

Илья Горячев

ТЬМА

КРОМЕШНАЯ

ОПЫТ ПРОЗЫ ПРИГОВОРЕННОГО
К ПОЖИЗНЕННОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Он запомнился мне как высокий статный парень-блондин,
в тонких очках, умненький и образованный, быстро мыслящий.
Я еще подумал: «Во какие парни у националистов выросли. Нам бы такого...»

Эдуард Лимонов

Илья Горячев
Тьма кромешная (сборник)

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Горячев И. В.

Тьма крошечная (сборник) / И. В. Горячев — «Центрполиграф»,
2018

ISBN 978-5-227-07818-6

Илья Горячев – историк по образованию, лидер националистического движения «Русский образ», помощник депутата Госдумы от «Единой России», автор аналитических докладов о леворадикалах для администрации президента, публицист, писатель. В мае 2013 года арестован в Белграде и экстрадирован в Россию по обвинению в руководстве Боевой организацией русских националистов. В 2015 году осужден к пожизненному лишению свободы. Обвинения Илья Горячев не признает и причастность к деятельности БОРН отрицает. В начале 2016 года после апелляции адвокатов Верховный суд оставил в силе пожизненный приговор для Ильи Горячева. Он был этапирован в «Полярную сову» – колонию особого режима для пожизненно осужденных. В художественной прозе попробовал себя только оказавшись в тюрьме. Это его дебютный сборник.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-227-07818-6

© Горячев И. В., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие Эдуарда Лимонова	6
Введение	7
Тьма кромешная	8
Иоанн. Тьма кромешная	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	35
Запах земляники	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Илья Горячев

Тьма кромешная

© Горячев И.В., 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

Предисловие Эдуарда Лимонова

Я встречал Илью Горячева несколько раз. Я выделил его из других молодых людей. Он запомнился мне как высокий статный парень-блондин, в тонких очках, умный и образованный, быстро мыслящий. Я еще подумал: «Во какие парни у националистов выросли. Нам бы такого...»

Предлагая вниманию читателей эту книгу из каменного мешка, первую написанную пожизненным заключенным в современной России, хочу напомнить ему – тебе, Илья, светлый пример.

Был такой русский парень, Николай Морозов, студент и революционер-народник, член Исполнительного комитета организации «Народная воля».

В 1882 году он был приговорен к вечной каторге. В общей сложности в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и других тюрьмах он провел около 30 лет.

Свой тюремный срок он использовал как никто и никогда, ни до, ни после него. Написал 26 томов совершенно гениальных научных изысканий, среди прочих семитомный труд «Христос».

Потом еще долго жил, почитаемый Родиной, дожил до русской победы в Великой Отечественной войне и умер только в 1946 году.

Тяжелая судьба, но отличный пример для подражания.

Введение

Все собранные в этой книге тексты написаны в тюрьме. Все они родились в самом настоящем застенке с решетками, железными дверями без ручек и прочими соответствующими атрибутами. Да-да, в таком унылом месте напечатанные здесь слова обросли плотью. Наполнились смыслом. И из мертвого скопища букв превратились в одушевленные истории. Причем все они handmade. То есть написаны по старинке – от руки, на листе бумаги.

Франц Кафка писал: «Тебе не надо выходить из дому. Оставайся за своим столом и слушай. Даже не слушай, только жди. Даже не жди, просто молчи и будь в одиночестве. Вселенная сама начнет напрашиваться на разоблачение, она не сможет иначе, она будет упоенно корчиться перед тобой». Истинно так. Полностью согласен с Мастером.

В пустоте, наполненной лишь давящей тишиной, истории целыми абзацами просачиваются в мозг откуда-то с той стороны. Достаточно легчайшего толчка – и ты видишь, как из тумана небытия начинает выплывать новый сюжет, постепенно проявляющийся во все более мелких деталях и подробностях. Например, «Волонтер» родился из фотографии нацболов-добровольцев на Донбассе, опубликованной в газете. А «Потеряшка» – из слова «безысходность», выхваченного ухом из сумбурного радиопотока. Я подумал: «Это же отличное название для какого-нибудь заброшенного полустанка!» И тут же вспомнил железную дорогу на Мокрой Горе в поместье Неманьи Эмира Кустурицы «Кюстендорф», что снималась в его фильме «Жизнь как чудо».

Я верю, что все тексты – рассказы, письма, статьи и прочее – уже написаны во вневременной вечности и хранятся в ее архиве, автор же может лишь выяснить это когда-то написанное. Потому я вижу свою задачу в том, чтобы услышать как можно четче послание из вакуума, чтобы изложить услышанную историю возможно ближе к изначальному оригиналу.

Одновременно эти истории – причудливая смесь обрывков снов, остающихся в памяти после пробуждения, и строк из черновиков писем. Слепок ощущений, психического состояния, фиксируя которые я стараюсь противостоять ментальной деформации, практически неизбежной в изоляции. Воспоминания, ощущения, страхи, чаяния – все это я стараюсь смешать воедино и выместить вовне. Зачем? Просто каждое утро я ощущаю, что превращаюсь в точку, и мне приходится снова и снова искать в этом «дне сурка» какой-то смысл, который объяснит мне, а зачем, собственно, дотягивать до вечерней команды «Отбой!».

Слово – носитель психической энергии, формирующее окружающее нас пространство. А каждый рассказ под этой обложкой – это кирпичик, слепленный из слов. Из них я надеюсь вымостить мою дорогу из желтого кирпича, приблизиться хотя бы на несколько шагов к желаемому комфортному образу будущего.

Хочу поблагодарить Татьяну, терпеливо расшифровывающую мои закорючки, Эдуарда Лимонова, оказавшего неоценимую моральную поддержку и помощь в поиске издательства, Дариму Хвостову и весь коллектив издательства «Центрполиграф», решившихся выпустить эту книгу, Андрея Фефелова и Андрея Смирнова из газеты «Завтра», предоставивших их площадку для «тест-драйва» моих текстов, а также всех близких и друзей, поддерживающих мою бодрость духа все эти годы. Без всех этих людей эта книга не появилась бы на свет. Хочу сказать огромное спасибо им всем. Отдельно хотелось бы выразить благодарность тем людям из тени, что не мешали работать над этой книгой и не препятствовали ее изданию.

Илья Горячев

Тьма кромешная

Той, что вдохновляет меня, я посвящаю эту книгу. Оксана Андреевна, Вы мой единственный смысл.

Иоанн. Тьма кромешная

Глава 1

В шеле месяце 1568 года, в полночь, любимцы Иоанновы князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Василий Грязной с царскою дружиною вломились в дома ко многим знатым людям, дьякам, купцам: взяли их жен, известных красотою, и вывезли из города. Вслед за ними, по восхождении солнца, выехал и сам Иоанн, окруженный тысячами кромешников. На первом ночлеге ему представили жен. Он избрал некоторых для себя, других уступил любимцам, ездил с ними вокруг Москвы, жег усадьбы бояр опальных, казнил их верных слуг, даже истреблял скот, особенно в коломенских селах убитого коношешего Федорова; возвратился в Москву и велел ночью развести жен по домам: некоторые из них умерли от стыда и горести.

Николай Карамзин. История Государства Российского. Том IX

Если обещаешь покаяться в своих грехах и прогнать от себя этот полк сатанинский, собранный тобой на пагубу христианскую, а именно тех, кого называют кромешниками или опричниками, я благословлю тебя и на престол мой, послушав тебя, возвращусь. Если же не сделаешь этого, будешь проклят в этом веке и в будущем вместе с кровоядными твоими кромешниками, во всех преступлениях тебе помогающими.

Ответ митрополита Филиппа Колычева царю Иоанну

...В смятении горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзал ты сильных во Израиле вождей знаменитых, данных тебе Вседержителем, и святую, победоносную кровь их пролил во храмах Божиих? Разве они не пылали усердием к царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты верных называешь изменниками, христиан чародеями, свет тьмою и сладкое горьким! Чем прогневали тебя сии предстатели отечества?..

Из письма князя Андрея Курбского великому князю Московскому Иоанну IV Васильевичу от лета 1564 от Р. X.

...Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая брэнное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего же не хотел умереть от меня, строптивного владыки, и наследовать венец Мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень, блажен, кто смертью приобретает душевное спасение!..

Из письма царя Иоанна IV Васильевича князю Андрею Курбскому от лета 1564, июля месяца в 5-й день

Град Москов. Палаты Григория Лукьяновича Плещеева-Бельского на Болоте.

Зима лета 7078 от сотворения мира (1570 год от Р. Х.)

– Слово и дело, государь! – Глухой бас, идущий из глубины медвежьей груди, сокрытой густой окладистой бородой, огласил своды подземелья. Небольшая дверца растворилась и пропустила согбенную фигуру с острым цепким взглядом, посохом в одной и чадящим факелом в другой руке. Сполохи пламени освещали, казалось, бесконечную галерею, уходящую во тьму за спиной великого князя Московского Иоанна.

Длинный подземный ход соединял царские палаты в Кремле и стоящие на другом берегу реки белокаменные хоромы, которые на Болоте заложил боярин Берсеня Беклемишев да сложил голову на плахе по воле великого князя Василия III. Продолжил их градить думный дьяк Аверкий Кириллов, да погиб от руки лихих стрельцов во время их бунта. Закончил дело Григорий Лукьянович Плещеев-Бельский, на Москве известный как Малюта Скуратов. По его приказу и воле государевой мастера фряжские искусные и ход этот соорудили, чтобы сподручнее было государю и сподвижнику его ближайшему дела вершить важные, государственные, в тайне их сохраняя от очей злокозненных.

Выйдя из дверцы и с хрустом костей разогнувшись, Иоанн протянул факел Малюте и прошептал:

– Вести дурные имею, Малюта. Крепко размыслить нам с тобою требуется, да вдали от ушей чужих.

– Пойдем, государь, есть закут надежный. – Малюта круто развернулся и двинулся вперед, открывая крепкие дубовые двери в своих подземелиях необъятных. К каждому вратам был свой ключ, и Малюта безошибочно определял на ощупь перстами нужный из объемной связки, висящей на поясе. Наконец Малюта остановился и, затворив дверь за собою, спустил вдобавок мощный засов. Запалил факелы на стенах, и яркий свет мигом выхватил из тьмы потаенную горницу, уставленную сундуками с книгами и устланную медвежьими шкурами. Оглядевшись, Иоанн выбрал лавку с бархатными подушками и опустился на нее. Малюта, почтительно склонив голову, встал рядом.

Глубоко вздохнув и обведя все стены пристальным взглядом, тихим уставшим голосом Иоанн начал:

– Боярин Новосильцов доносит нам из Константинополя – османы умысел имеют Казань и Астрахань руками крымцев обратно забрать и по его разумению в умысле сем сносятся с Литвою и злочестивцами внутримосковскими, готовыми переметнуться и меня выдать.

Подняв голову, Малюта с готовностью продолжил:

– Государь, новгородцы, коих мы на правез давеча ставили, сказывали, что холопы дьяка Висковатого грамотками лукавыми обольщали их Литве предаться. А до-ушники наши в Посольском приказе сказывают, что умыслы бесовские и умышление лютейшее Висковатый имеет, оттого самовольно с Литвою и султаном османским сносятся. Думаю, государь, Висковатый к литвинам переметнулся и руками басурман хочет Московию к Литве присоединить. – Повисло молчание, буквально осязаемое в сыром воздухе подземелья.

Зеницы очей Иоанновых сузились, зловещий шепот был еле слышен:

– Боярство к Литве наклонное, на Москву басурман крымских и османских привести вздумало... Ну что ж... Вчера, Малюта, я грамотки Ивашки Пересветова сызнава перечитывал в черных списках. Все верно он указывает. Особливо про то, что народ мой православный смущает. Не можно царство без грозы держать, а паче ленивых богатин-изменников и лиходеев к себе припускать. Собацкое собрание по сию пору ядом своим кровь мне портит, собаки Алексея и попа Сильвестра нет, а семя их теперь в Иване Висковатом проросло... – Иоанн надолго умолк. – Что чернь, Малюта?

– За тебя, государь. Да баламутят ее. Жить тихо и мирно не дают. Умы смущают. Вот послушай, государь... – Малюта открыл сундучок, стоящий на большом тисовом столе, миниатюрным ключиком, достал пачку бумаг и, перебрав их, выудил список. – На Москве такие

подметные грамотки гуляют про доктора твоего Елисея Бомелия: *«Литва и ливонцы к царю нашему православному прислаша немчина лютого волхва нарицаемого Елисея, и бысть ему любим в приближении; и положи на царя страхование... И конечно был отвел царя от веры: на русских людей царю возложи свирепство, а к немцем на любовь преложил. Царь в ратех и войнах ходя, свою землю запустошил, а последи от иноверца Бомеля ума исступи и землю хотя погубити...»*

– Довольно! – Иоанн резко встал и стукнул посохом об пол. – Не унимается сволочь земская... не унимается...

– Не унимается, государь, – эхом отозвался Малюта, – злоумышляет.

Глубоко вздохнув, Иоанн прошел в дальний кут, где висели иконы и была затеплена лампадка. Зажмурился. С силою потер ввалившиеся щеки, покрытые щетиной жесткой с проседью, и, взявшись за чело, словно пытаясь облегчить боль, внутри пылающую, с мукой в голосе прошептал:

– Огнем выжигать злобесное умышление! Сызнова перебрать людишек земских надобно... Кругом крамола... – Вдруг лязгнули и заскрипели петли одного из сундуков. Иоанн резко развернулся, очи царя пылали ледяным пронизывающим огнем. – И тут доушники супротивные! – проревел страшным голосом и, воздев посох, с силой метнул его в массивный кованный сундук.

Крышка его отворилась, перекидывая ножку через стенку сундука, из него вылезал заспанный испуганный отрок лет восьми, весь покрытый книжной пылью. В руках он сжимал книжицу в кожаном оплете.

– Государь... – Малюта был смущен и испуган, – это сынок моей Матрены. Мясоед. Ему осемь годков лишь минуло, изрядно грамоту любит, постоянно возле книг...

Голос Иоанна пылал гневом:

– Бывают и отроки доушниками, Малюта!

Малыш спрятался за ногу отца и испуганно выглядывал оттуда, крепко держась за его порты. Малюта, бухнувшись на колени, оплеухой повалил и сына.

– Государь, не отнимай отраду последнюю...

Скорее глухой стон, чем возглас, заставил Иоанна нахмуриться. На минуту повисла тишина.

– Книжное знание, говоришь, его привлекает... – задумчиво протянул самодержец.

Напугавшая Малюту столь хорошо знакомая ему тень сошла с чела Иоанна. Угроза в голосе сменилась решимостью.

– Веди его сюда, Малюта. – Иоанн взял отрока за плечи, повернул к себе и вынул книжицу из рук мальчонки. Поднес к очам и, прищурившись в неверном отсвете факела, гласно прочел заглавие: – «Повесть о Муть янском воеводе Дракуле». – Усмешка тронула уста самодержца. – А ведь книжонка-то сия еретическая. Сие ведаешь, Малюта? Ты хранишь ее, мальчонка твой читает. А дьяка Федьку Курицына, сие писание еретическое на погибель себе измыслившего, дед мой великий князь Иоанн четвертовать повелел, а книги все сжечь. – На секунду Иоанн умолк, раскрыл фолиант и задумчиво продолжил: – В моей библиотеке только и осталась... – На пару минут углубился в чтение и вдруг резко захлопнул книгу, отчего по лицу отрока пробежала дрожь испуга. – Может, и эту спалить?.. С ребятенком твоим вместе...

Малюта, зная норы государя, смиренно молчал.

– Худое не думай, сам в детинстве почитывал. – Тон Иоанна смягчился, став задумчивым. Малюта понял, что лихой момент миновал. – Избранным людям бывает дозволено то, чего другим скудоумникам и помыслить должно быть боязно. И выходят из них либо самые лиходеи, на державность нашу умыслители, вот как холоп наш беглый Андрейка Курбский, – их место на дыбе и в прегорьких узких темницах, либо кромешники наши верные... – Подняв

голову отрока двумя пальцами за подбородок, Иоанн вперился в его очи: – Ну-ка, дай в нутро твое заглянем, посмотрим, в какой разряд тебя определить...

Малыш выдержал пристальный взгляд.

– Смышленный волчонок! – Это прозвучало оправдательным приговором, опасность, нависшая было над малышом, миновала. – Пойдем. – Иоанн подтолкнул отрока в спину по направлению к ликам, освещаемым лампадкой. – Повторяй за мной...

Своды потаенной палаты огласились двумя голосами – хриплый уверенный бас торжественно произносил, а юный отроческий голос вторил ему: «Я... клянусь быть верным государю и великому князю... И его государству... И не молчать о всем дурном, что я узнаю... Слышал или услышу... Что замышляется против царя и великого князя... Его государства... Я клянусь не есть и не пить вместе с земщиной... И не иметь с ними ничего общего... На этом целую я крест...»

Глава 2

Царь же напился от них, окаянных, смертоносного яда лести, смешанного со сладостным ласканием, и сам преисполнился лукавства и глупости, хвалит их советы, любит их дружбу и привязывает их к себе присягами, да еще и призывает их вооружиться против невинных и святых людей, к тому же добрых и желающих ему пользы, как против врагов, собирая вокруг себя всеильный и великий полк сатанинский!
Андрей Курбский. История о великом князе Московском

Град Москов. Торг на Китае.

25 июля лета 7078 от сотворения мира (1570 год от Р. Х.)

Темное грозное небо над Москвою, лишь карканье воронья, будто предчувствующего трапезу, нарушает мертвящую тишину. Посреди торгового гула грозно высятся две дюжины свежесрубленных виселиц, еще пахнущих смолою. Рядом пылает высокий костер с подвешенным над ним огромным чаном с водою. Вдалеке слышатся бубны. Со стороны Кремля появляется процессия: впереди на норовистом вороном жеребце великий князь Московский Иоанн, рядом его сын, за ним князья и бояре. Далее в стройном ополчении три сотни избранных злейших крошечников, все в кафтанах, шитых золотом с собольей опушкой, и в волчьих шапках. Чуть сзади от Иоанна едет Малюта Скуратов, а рядом его сын Мясоед на своем молодом конике, тоже облаченный в одеяние опричное с сабелькой на боку и притороченными к седлу песьей головой и маленькой метелкой. Как утром объяснил отец: «Грызи лиходеев, мети Россию».

За этой блестящей процессией бредет понукаемая опричниками толпа живых мертвецов, в железных закованная, в лохмотьях, многие с зияющими ранами. Пять месяцев следствия с пристрастием в Александровской слободе не прошли даром. Тайный ков против государя крамольников злых изобличен. Из проулков конные опричники выгоняют было спрятавшихся москвитян, те, побросав лавки, сокрылись в погребах, думая, что под корень решено извести сволочь земскую. Москвитяне трепещут, но собираются. Вот уже места всем не хватает и заполняются окрестные кровли. Иоанн, привстав в стременах, обводит толпу взглядом очей своих огненных и, убедившись в многочисленности народа, возвышает голос:

– Народ! Увидишь муки и гибель, но карая изменников. Ответствуй: прав ли суд мой?

Пристальные очи сотен крошечников впелись в толпу, ну какой крамольник себя лицом аль очами бегающими выдаст. После секундной заминки толпа велегласно ответствовала:

– Да живет многие лета государь великий! Да погибнут изменники!

Улыбка тенью скользнула по лику государя московского. Взмах рукой – и опричники делят толпу крамольников закованных надвое. Иоанн вытягивает посох, указывая на тех, кто слева, и произносит одно слово: «Милую!» Шумный вздох облегчения взмывается над ними в

небо, многие плачут, крестятся, кто-то стоит на коленях и, беззвучно шевеля губами, молится небесным заступникам. Они не чаяли вновь восход солнца ясного увидеть, но Господь милостив, а государь московский тем паче.

Вперед выходит думный дьяк, разворачивает свиток и гласно оглашает:

– Иван Михайлов Висковатый, бывший тайный советник государя! Ты служил несправедливо его царскому величеству и писал к королю Сигизмунду, желая предать ему Новгород. Се первая вина твоя! – После этих слов дьяк палицей бьет Висковатого в голову. Тот падает на колени. – А се вторая, меньшая вина твоя: ты изменник неблагодарный, писал к султану турецкому, чтобы он взял Астрахань и Казань. – Еще два удара палицей в голову. – Ты же звал и хана крымского опустошать Россию, се твое третье злое дело!

Висковатый с трудом поднимает голову, кровь заливает глаза.

– Свидетельствуюсь Господом Богом, ведающим сердца и помышления человеческие, что я всегда служил верно царю и отечеству. – Хриплый прерывающийся его голос, казалось бы тихий, разносится над толпой и доходит, кажется, до каждого. – Слышу наглые наветы и клеветы, не хочу более оправдываться, ибо земной судья не хочет внимать истине; но Судия Небесный видит мою невинность, и ты, о государь! Увидишь ее пред лицом Всевышнего... – Крошечники закрывают ему уста, вот его уже не видно, лишь волчьи шапки мелькают.

Через минуту Висковатый взмывает на виселицу вверх ногами. С него срывают оставшиеся лохмотья, обнажают и рубят на части. Величаво подходит Малюта Скуратов, достает нож и отрезает ухо.

Четыре часа длится кровавый пир. Вешают, режут, варят в кипятке. Две сотни крамольников в муках испускают дух под клинками крошечников государевых. Иоанн конно объезжает торг, наблюдая за работой своих любимцев. Наконец, свершив дело, в сбившихся шапках, с окровавленными мечами в руках и с бешеными взорами, они становятся вокруг Иоанна и, воздев клинки к небу, оглашают торг, звучащими как магическое заклинание криками «Гой-да, гой-да!», славя его правосудие. В стороне стоит маленький мальчик в волчьей шапке и внимательным задумчивым взглядом провожает того, кому целовал он клятвенно крест. В руках он вертит человеческое ухо.

Глава 3

*Затвори Русскую землю, спрячь свободное естество человеческое
аки во адове твердыне.*

Андрей Курбский

*Все трепещет царя-государя, единого под солнцем страшила
бусурманов и латинов.*

Московский посол у ногаев Мальцев

Александровская слобода.

1 марта лета 7091 от сотворения мира (1582 год от Р. Х.)

Предраассветные сумерки. По прихваченной морозцем мощной улице на черном как смоль рысаке скачет всадник в черном кафтане с собольей опушкой, меховой шапке и башлыке. За плечами длинный путь почти что от самой Москвы. Трех коней сменил, умаялся, озяб изрядно – зима студеной выдалась и снега полегли великие, а все одно – доехал. Рогатки на улицах уже настезь распахнуты, слобода просыпается рано. Мощные белокаменные стены с бойницами. Вот и дома. Спешившись, путник взял коня под уздцы и шумно громыхнул колоушкой на калитке в массивных дубовых воротах.

– Кто? – раздался глухой голос.

– Отворяй, чернец. Мясоед Вислой к игумену.

Заскрипев, калитка открылась.

– Слово и дело, брат Мясоед. – Тон сменился на почтительный.

– Гойда. – Ответ прозвучал немного пренебрежительно. – Возьми коня, да смотри, осторожно – он с дальней дороги. – Сунул уздечку привратнику и, протиснувшись в калитку мимо него, не оборачиваясь, уверенно двинулся в сторону кельи настоятеля.

Вот и нужная дверь, стучит и, дождавшись позволения, отворяет, заламывает шапку и переступает порог.

Узкая келья. Жарко натоплено. По стенам стоят растворенные сундуки с книгами. Стопки книг на полу по углам. Кругом туески берестяные со свернутыми грамотами. У маленького оконца, затянутого не слюдой, как в других кельях, а со стеклом венецианским, стоит тяжелый, массивный стол. За ним, спиной ко входу, сидит массивный крепкий старик с копной седых волос, в скуфейке и черной рясе.

Он согнулся над грамотой, внимательно читает, делает остро очиненным гусиным пером пометки, смачивая его в густых чернилах. Стол ярко освещен – свечи на стенах толстые, восковые. Такие не у каждого московского боярина сыщутся. В беспорядке на столе разложены отточенные перья, кусок пемзы, ящичек с песком речным, множество грамот праздных. Отдельно, аккуратными стопками лежат листы дорогой английской писчей бумаги – по четыре гривны каждая. Пара растворенных фолиантов в тяжелых переплетах с массивными застежками. В красном углу затеплена лампадка перед образом «Спас Ярое Око». Не оборачиваясь, игумен приветствует гостя:

– Входи, брат Мясоед.

– Слово и дело, отче. – Тон сменяется на почтительный. Повернувшись к образу и подойдя на пару шагов ближе, Мясоед быстро мелко крестится.

Игумен оборачивается, и в голосе появляются нотки гнева:

– Надменность и дерзновение за стенами обители святой оставляй. Не лоб крести, а осеняй себя полным знаменем крестным!

Мясоед бухнулся на колени, в движениях его появилась истовость и ретивость.

– Другое дело. – Тон игумена смягчился. – Не сердчай, что строг, с вчерашней заутрени не спал. Испытывали одного литвина. Чернокнижника. С пристрастием, конечно. – Игумен вытянул руки, покрытые ожогами, показывая их Мясоеду.

Тот, бросив взгляд на ожоги, лукаво изрек:

– Не бережете вы себя, отче.

Игумен досадливо махнул рукой:

– Не юродствуй, не на паперти. – Развернулся к гостю, взял его за обе руки, поднял с колен и тут же усадил на сундук, устланный медвежьей шкурой. – Переведи дух с дороги. Позже разделим трапезу утреннюю. Замысли только, злодей этот литвинский царя нашего касимовского хулил Саин-Булата, царевича Кайбулу и прочих верных слуг государевых веры магометанской. Утверждал, что вера их суть сатанинство, а имя пророка их Бахмета – это одно из имен антихриста. На дыбе признался, что в книге одной ученой латинской это вычитал – Ва-fomet, мол, произошло от Бахмета. Библиотека у него преизрядная была. Есть даже на пергаменте из человеческой кожи выделанном книги писанные. Писцы да толмачи наши сейчас ее разбирают. Хотя об этом потом. Сейчас слушай дело государево для тебя. Чрез две седмицы едешь как подьячий посольского приказа с боярином Яковом Молвяниновым к латинянам, с иезуитом Антонию Поссевином, что в Москве сейчас обретается. Едете к самому папе. Везете ответ государя нашего на грамоту его. Государь по доброте своей соглашается на союз с государями европейскими против оттоманов. Толку из этого не будет. Затея эта против России, грамоту готовили и ум государя смущали бояре-крамольники. Твоя задача за боярином Молвяниновым приглядывать, разговоры его с папистами слушать да никому не сказывать, что ты толмач обученный. За Молвяниновым в оба глаза следи. По возвращении грамоту о нем составишь.

Назовешься Тишиною Васильевым, есть такой дьячок приказа посольского, ума нешибкого, его в Казань пока втайне отправили. Смотри, соображением своим боярина не смущай, вид имей лихой и придурковатый. Вот тебе грамота для застав наших пограничных. – Старик протянул внимательно слушавшему Мясоеду скрученную и перетянутую нитью грамоту, запечатанную сургучовой печатью воеводы приказа посольского, которую тот тут же сунул за пазуху кафтана в потаенный карман. – Далее слушай. – Цепкий его взгляд держал Мясоеда в усердном внимании. – В разрядные книги дьяк сей вписан, но служил на задворках, видеть боярин его не мог, а ежели по книгам возжелает сверить, то там все чин по чину. Еще. В Риме тебя будут ждать Крузе и Таубе. – Пристально глянул и замолк.

Мясоед вскинул голову:

– Они же перебежчики! Десять годов назад в Литву ушли!

Взгляд игумена потеплел.

– Вижу, не ошибся я в выборе. Помнишь и то, чего очами своими не видел по малолетству. Это для всех изменники и душегубы, а братья сии тайные схимники и усерднейшие слуги государевы. Его очи у латинян и аугсбургцев. Намеренно байку эту мы проширили, будто б самовольно в Литву они ушли. Просто из крошечников внутренних стали они крошечниками внешними. Они сами тебя найдут. На словах передадут тебе послание, уразуметь не трудись – вязью особенной говорить будут, ты ей не обучен, просто крепко затверди на память, да смотри, чтобы без ошибок. Потом изъясни им, что есть литорея и новая азбука, впредь ею донесения пусть шлют с оказиями надежными. – Игумен на миг замолчал, потер лоб и продолжил: – А им передашь, чтобы в Литву собирались. Надобно им дружочка нашего повидать Андрейку Курбского. – Игумен достал откуда-то из-за пазухи искусно сделанную книжицу, на обложке Мясоед заприметил след от восковой свечки, видать, не раз игумен над писаниями сими просиживал. Старик потряс изящно переплетенной книгой перед глазами Мясоеда. – Печатная! – с плохо скрываемой ненавистью в голосе провозгласил он. – Андрейка в германских книгопечатнях новое издание измышлений своих клеветнических облыжных выпустил, да сразу на нескольких языках! Толмачи литовские потрудились изрядно. Стефан Баторий за сим стоит, а тому Курия Римская нас злословить приказывает. Не смотри, что иезуит сей Поссевин государю мир с Баторием сулит, это все суетно и сиюминутно. Латиняне не друзья нам, просто лукавством своим они государя нашего, кроткого душою как агнец, в искус вводят обещаниями невозможными, точно как Сатана Спасителя Господа нашего. – Тут игумен прервал пылкую речь и, перекрестившись, сотворил три земных поклона, шепча: «Господи, помилуй». Разогнувшись, он раскрыл книжицу в заранее заложенном месте: – Сам смотри, вот прямое доказательство. В новом издании дополнения Андрейка внес насквозь лживые, горше прежнего, да не сам, а по наущению бесовскому латинянскому, уязвляющие государя нашего. Вот, послушай, как он сребреники свои иудины отрабатывает, да только глянь, плотно ли дверь прикрыта...

Пока настоятель мусолил перст и искал нужную строку, Мясоед крепче закрыл врата, выглянув сперва на ходник, убедившись, что нет доушников любопытных.

– Вот, Мясоед, слушай. – Старик набрал в грудь воздуха и принялся читать, вложив в глас свой все то презрение, что питал он к автору сих литер: – *«Как и отец его Василий со своей законопреступной юной женой, будучи сам стариком, искал повсюду злых колдунов... – эти слова он прошептал, воздев очи свои и указующий перст к потолку, – чтобы помогли чадородию, не желая передать власть брату своему, а он имел брата Юрия, человека мужественного и добронравного, но в завещании приказал жене и окаянным своим советникам вскоре после смерти своей брата этого погубить, что и было сделано. А о колдунах очень заботился и посылал за ними повсюду, аж до самой Карелы и даже до Финляндии, что на Великих горах возле Студеного моря, и оттуда приезжали они к нему, и с помощью этих презлых советников сатанинских и от их прескверных семян по злomu произволению (а не по Божественному естеству) родились ему два сына: один – прелютый кровопийца и погубитель отечества,*

так что не только в Русской земле такого уroda и дива не слыхано, но воистину нигде, и, как кажется мне, он и Нерона презлого превзошел лютостью своей и различными неисповедимыми мерзостями, ведь был не внешним непримиримым врагом и гонителем Церкви Божьей, но внутренним змием ядовитым, попирающим и терзающим рабов Божьих...» – Игумен с шумом захлопнул фолиант. – Понимаешь, какие скверные шептания пойдут? Мол, государь московский престол свой занимает воровски, да и рожден не пойми от кого... Ежели не обольстит папа государя латинством, тогда силою нам на престол Батория посадит, вот как понимать следует писания сии еретические. – Игумен вновь раскрыл книгу на иной странице и протянул ее Мясоеду. – А вот этот навет грязный в самое сердце всех нас уязвляет, на вот прочти сам, да не гласно! Тому, кто языком подобное оглаголет, орган сей оскверненный вырывать надобно.

Мясоед взял книгу в руки и, беззвучно шевеля губами по привычке, оставшейся с детства, быстро сложил буквицы в складки, а складки в слова: «*Воевода демонского крошечного войска, царев любовник Федор Басманов*». – Зрачки его карих очей сузились. Вот же зверь кровавый! Сатанин и сын антихристов! В самую душу уязвляет поклепом своим. Прав, ой прав игумен. И не язык драть надобно, но и очи тоже, всем, кто смрад сей, в литерях растворенный, в себя пустил, пусть и не намеренно.

Старик взял том из рук Мясоеда и покачал головой понимающе:

– Уразумел теперь? Доносят заглазно, что одиноко псу Андрейке у ляхов, но не верит никому. Вот изъясни Крузе и Таубе, что надо им по душе близко издайнику прийтись. Живет он там сладко, как свинья в сладострастии, и все дни проводит гнусно и лениво. Вот когда окажешься до трапезы их допустит, а он охотник утробу и гортань себе калачами да марципанами наполнять, пусть это вот снадобье, – тут игумен достал из-за пазухи пузырек малый, матового стекла, наглухо закупоренный пробковой затычкой и для надежности бечевой перевязанный, и вложил в ладонь Мясоеда, – в питье ему насыплют. Доктор Бомелий правил, он в том большой искусник. Через день его тяжкий огненный недуг свалит. Как схоронят его, пусть в Рим возвращаются, награда царская их уже там ждать будет... Все на ум затвердил? Что-то еще я тебе не сказал... Делов много свойства государственного, а вершителей надежных мало... – На секунду игумен замолк. – Да. Вот еще. Боярин Молвянинов сладкоречив вельми, смотри не обольстись. Ума он преизрядного. Жаль, что к партии бояр-крамольников наклонен, что в латинство нас тащат. И речи боярина ядовитые, внешне внимая смиренно, внутрь себя не допускай. В следующее воскресенье пойдешь со мной к государю на доклад тайный, посмотри на тебя хочет, кому дело государственное доверяет. Государя не гневи, очи держи долу, будь смирен, помни, что ты инок и государю сие ведомо, хоть для всех твоя схема и сокрыта. Сделаешь дело это, государь тебя в именитые люди милует, сможешь «вич» именоваться. – Игумен взял молодца за плечи и, усмехнувшись, встряхнул. – Будешь Мясоед Малютович. Ладно, спесь все это мирская. Калью постную будешь?

Мясоед усердно кивнул.

– Пойдем в трапезную, там еще про одно дело малое послушаем и приговорим, как управить.

На улице почти рассвело. Монастырский двор оживился ранней суетой иноков: кто по воду, кто по дрова, кого книги да рукописи ждут. Много дел у братии. Широкими шагами игумен Афанасий идет через двор, походя давая указания и раздавая затрещины нерадивым:

– Холопий сын, непослушка, почему ворота конюшни не поправил? – Отеческий упрек и легкий шлепок богатырской рукой по челу, и молодой инок уже сидит в сугробе, удивленно потирая ушибленную голову.

– Виноватый, отец настоятель, сей же час исправлю. – По его окающему говору видно – с севера Руси необъятной пришел он в обитель, во владимирских дремучих лесах надежно укрытую.

Успевает игумен поучать и идущего рядом Мясоеда:

– Спесь в себе смирай. Очами не блести. Шапку перед всеми ломай. Опричник государев ты только в этой обители. А для всех ты теперь подьячий приказной, каких тысячи. И я лишь тут воевода крошечников, а за воротами монастыря этого – чернец простой.

Калья, ржаной хлеб да квас: трапеза монастырская скудна, но обильна. Насытившись, игумен погладил окладистую бороду:

– Уж знатно зоб насытили. Теперь внимай усердно, брат Мясоед.

Игумен махнул рукой, и до времени хоронившийся в углу инок, по всему видно писчий дьячок – подслеповато шурящийся, согнутый, с перстами с намертво въевшимися чернильными пятнами, – шустро подскочил, припал к деснице игумена, которую тот досадливо отдернул, и затараторил:

– Душники наши среди скоморохов сказывают, что боярин Матвей Умной-Колычев во хмелю медовом на Масленицу в палатах у Мстиславских баил сказ один, из былых времен всем на потеху, а государю нашему в ущерб: будто б князь Дмитрий Овчинин на пиру царском не смог чашу крепкого меду выпить за царское здоровье, за что был удушен в погребе.

Игумен нахмурился:

– Серьезный поклеп. Умной-Колычев, говоришь? Может, и не просто поклеп, но и ков злодейский. Дьяк, перепиши сказ скомороший должным образом, и пусть перст свой приложит непременно. Награду ему царскую выдай да накажи язык за зубами держать. А после проследи, чтобы чуть опосля балагуру сему язык вырвали. За богохульство. Дело сие государево важности особой. – Махнув рукой, игумен отпустил дьячка писчего. – Иди, Мясоед, отдохни с дороги, мне поразмыслить надо. Дело малое большим обернуться грозит. После вечерней литургии жду тебя в келье, будет тебе еще задание одно. Все, иди, иди. Отвлекаешь меня только. – Игумен ласково подтолкнул Мясоеда в спину, выпроваживая его из кельи на ходник.

Плеснув в лицо студеной колодезной водицы, Мясоед, наскоро сотворив молитву, поцеловал крест нательный, застегнул ворот и вышел из горницы, скорым шагом поспешив в келью настоятеля.

– Входи, брат Мясоед, садись. – Игумен Афанасий встал из-за стола, заложил руки за спину и принялся мерить келью шагами. – Боярин Умной-Колычев давно у меня в нотицах примечаем. Думал я, сказ скомороший, один из многих, в грамотку соответствующую допишем да в туесок с его именем уберем. – Он достал из сундука берестяной туесок размера преизрядного и ловко перекинул его Мясоеду: – На вот, после познакомишься, тут все сказы да поклепы на боярина сего.

Тот поймал туесок и сокрыл его в обширном кармане кафтана.

– Так вот, – продолжил настоятель, расхаживая по келье. – На пиру том я был. И в подвале том тоже. Князь Овчинин крамольник был редкий, и дело не в чарке меду, конечно, было. Да только было это все скоро пятнадцать лет назад. Был на том пиру и фряз один прозванием Гваньини. И вот в прошлое лето в Спире книга его вышла про Московское царство имени Sarmatia. Хулит он там нас и чернит преизрядно. Книгу саму я еще по осени прочел – лазутчики наши доставили. А недавно вторая Sarmatia появилась у нас – гонец из Варшавы доставил присовокупленной к эпистолии короля Стефана Батория, неприятеля нашего, к государю Иоанну Васильевичу. И глумится он в этой записке гнусливой: «Читай, что о тебе пишут в Европе!» Знает, что государь наш мнителен и впечатлителен, и уязвить его хочет. Так вот. Про пир тот достопамятный, но для истории и государства ничтожный, уже и не помнит никто, но фряз Гваньини, злоумышляя против нас, все байки, нас чернящие, в книге собрал и эту присовокупить не забыл. Но книг его на Москве лишь две – одна у меня, другая у государя. А выходит, уже и третья есть, раз Умной-Колычев про то баит, сам он на том пиру не был, а рассказать про то и некому, упокоились уже почти все, кто мед за столом вкушал. Лишь я,

государь да фряз тот и остались. И невелика б беда, ежели только это. У боярина Умног-Колычева благословение есть патриарха на возобновление печатного двора в Москве.

Идея эта сомнительна, но государь одобрил. Машину печатную боярин из Европы выписал еще по весне, еще до Рождества с Двины ее привезли. Сейчас мастеров ждет из Англии. Да только ежели один человек и печатный двор возобновляет, и книги крамольные латинские, врагами государя к тому же для смущения его употребляемые, из Европы возит, да измышления там печатаемые ширит, то это уже серьезно и есть дело государственное. Поэтому по размышлении скорому решил я, надо сыск в отношении боярина произвести срочный. Теперь слушай наказ, что тебе делать следует. Возьми иноков четверых и двое саней. На заставе московской скажетесь чернецами монастыря Соловецкого, в его подворье следующими, житницы пополнить. Вот бумага, рукою их игумена писанная, речи эти удостоверяющая. Оденьтесь соответствующе, как путники-богомольцы, странствие дальнее претерпевшие. Одного инока-помора возьми, который говор их ведает, – он пусть и говорит, чтобы сомнений ни у кого не возникало. Двор боярина за Яузскими воротами. Рассчитай так, чтобы за два часа до заутрени там быть. Боярина брать тихо. Дворню не трогать. Двор боярина вам отворят. Там сподвижник наш из его дворни, гонца я к нему отправил, он предупрежден. Он вам клеть с машиной печатной укажет и путь к опочивальне боярина. И машину, и боярина доставишь в монастырь и меня дождешься там. Туесок с грамотами о боярине изучи дорогой и, пока меня нет, сыск проводи легкий, без усердия излишнего, как в прошлый раз, но спать ему не давай. На третий день я приеду и испытаем его мягкого уже как следует. Да, на воротах скажете: «Чернецы бедные переночевать просятся. Тьма кромешная», сподвижник ответит: «Все рады, опричь злодеев державы». Все уяснил и затвердил? Сегодня собирайся в путь и отдыхай. Завтра поутру выезжайте. Все. Иди.

Мясоед коротко кивнул, развернулся на каблуках и вышел.

Глава 4

*Мимо тебя люди владеют... мужики торговые о государских
головах не смотрят... ищут своих торговых прибытков.*

Из письма Иоанна IV Васильевича английской королеве Елизавете

Град Москов. 4 марта лета 7091 от сотворения мира (1582 год от Р. Х.)

Пара саней лихо въехали в ворота и встали на дворе. Дюжие чернецы тут же затворили ворота на мощный дубовый засов. Мясоед встал из розвальней и, пнув шевелящийся мешок, развязал его. Показалась всклокоченная голова и мятое лицо человека, недавно вытасченного из постели, лишь властный взгляд серых очей выдавал в нем москвитянина звания высокого, привыкшего повелевать.

– Что за разбой? Ты чьих будешь, холоп? – Голос его дрожал, но не от страха, а от гнева.

Мясоед размахнулся и отпечатал свою десницу на образе боярина, тот упал на одно колено, но взгляд дерзкий не опустил и страха в очах не явил.

Медленно, с расстановкой Мясоед произнес:

– Велением государя ты наш узник.

Тут впервые испуг тенью промелькнул на лице боярина.

– Государь разогнал вас, отродье воровское холопское! Вас уж десять лет как нет.

Двумя пальцами взяв боярина за подбородок, Мясоед наклонился к нему и, глядя прямо в очи, прошептал:

– Это для сволочи земской нас нет. А видишь ведь теперь, никуда мы не делись. Ты выступил на позорище свое в злодейском кове, и государь велел доправить ков сей и его участников. – Тут ужас проявился на лице боярина столь явно, что Мясоед громко засмеялся, так

же двумя пальцами оттолкнул вмиг потерявшего уверенность и ставшего жалким боярина. Тот упал на спину. – В подклеть его!

Двое иноков тут же подхватили боярина под руки и поволокли через двор.

В подклети было жарко натоплено, на жаровне разложены разные инструменты, а у стены зловеще высилась дыба. Увидев ее, боярин жалобно заскулил. Два инока умело закрепили сыромятные ремни на руках и ногах пленника и, пару раз крутанув большое деревянное колесо, растянули его в полный рост и, не говоря ни слова, удалились. До ночи никто не появлялся. Ближе к полуночи дверь в подклеть распахнулась, и вошел Мясоед в сопровождении троих коренастых, наголо обритых узкоглазых кочевников и одного дьячка с книгой, напоминающей разрядную, под мышкой. Из кармана у него виднелись гусиные перья и наглухо закупоренная чернильница. Задремавший на дыбе боярин окинул вошедших взором и невольно сглотнул, во рту пересохло. Мясоед был одет в черный, шитый золотом кафтан с волчьим воротником, на груди на массивной серебряной цепи матово блестела искусно сделанная волчья голова. Вот уже десять лет ни боярин, да и никто другой на Москве не видел этого наряда.

– Все о винах твоих ведаем, боярин. Пришел срок ответ держать. – Голос Мясоеда был тих и вкрадчив.

– Это оговор татей уличенных! По Судебнику Иоаннову требую свидетельство дюжины свидетелей честных! – Голос боярина дрожал и срывался.

Мясоед усмехнулся, обнажив белоснежные зубы:

– Ты еще судных целовальников потребуй. На Судебник сей не ссылайся, боярин, он для земщины писан, а не для опричнины. Когда земская власть тебя испытывать будет, тогда им и прикрывайся, а у нас жалованная грамота от государя есть, по которой правим и вершим, от земщины и прочей сволочи потаенная. И о судьбе своей поразмысли, вспоминая, что я тебе тайну эту, ото всех сокрытую, поведал. – Мясоед, не оборачиваясь, махнул назад на своих коренастых спутников, которые тем временем скинули рубахи, оставшись в одних холщовых портах, и помогали друг другу облачиться в тяжелые кожаные фартуки, маслянисто блестящие в неверном свете. – Это ногаи и татарин касимовский. Сули им что угодно, языку нашему они не обучены и ни слова не понимают. – Опричник повернулся к дьячку: – Толмач, скажи им, пусть пару заволок ему на боках сделают, и пойдём до времени, не будем смущать их усердия.

Толмач, размахивая руками и пуча глаза, что-то пророкотал на диковинном гортанном наречии. Ногаи, внимательно выслушав, кивнули и принялись за работу. Повисла тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием сыромятных ремней и треском углей в жаровне. Еще раз окинув взором подклеть и испытав поникшего боярина очами, Мясоед вышел вон, за ним семенил толмач.

Скуластый ногой достал из ножен узкий дамасский клинок и принялся править его на ремне. Подклеть огласил густой свист стали. По телу боярина пробежала судорога, а очи его закатились, оголив белки.

Через пару часов Мясоед вернулся и знаком велел троице идти прочь. Те вышли из подклети, отирая пот со лба, на фартуках виднелись свежие бурые пятна. Боярин тихо стонал и выглядел жалко. Ночная рубаха во многих местах была порвана и прожжена, подол ее насквозь пропитался кровью, сочащейся из неопасных ран на теле, смрадный запах в подклети говорил, что боярин еще и осрамился. Мясоед брезгливо приложил к носу меховую рукавицу:

– Боярин Умной-Колычев, криводушие твое нам хорошо известно. Ты не боярин московский, усердный слуга государев, коим хочешь казаться, а крамольник и наушник литовский, холоп римского папы.

Боярин поднял затуманенный взор, волоса его слиплись от пота. Мясоед сменил вкрадчивый тон на грозный окрик и принялся будто хлыстом лупцевать пленника вопросами:

– Когда латинство принял? Сколько иезуиты тебе посулили сребреников иудинных за предательство веры православной? Кто с вором Курбским свел? Как грамотками с ним обмениваешься? Как московитов склонял мракобесию римскому предаться?

Дверь тихо скрипнула, в подклеть вошел игумен Афанасий, окинул взором каждый кут, положил руку на плечо Мясоеду и сурово проговорил:

– Довольно, сын мой. Вижу, и так уже старание преизрядное проявил. – И, повернувшись к боярину на дыбе, добавив чуть участия и ласки в голос, изрек: – Видишь, боярин, сподвижники какие – молодые, ретивые, чуть недоглядишь, уже и задавят человека, а я лишь поговорить с тобою желал в приватности, душу открыв и ничего не тая. Не держи на нас зла, но в палатах твоих мы розыск тайный учинили. За боярыню не бойся, ей сказано, что ты на богомолье уехал, если не дура – поверит и никому ничего иного не скажет. – В голосе прозвучали металлические нотки.

Боярин усердно кивал, пытаясь хоть что-то выдавить из пересохшего горла. Мясоед зачерпнул ковш теплой стоялой воды из кадушки в углу и поднес к устам пленника, тот жадно принялся пить. Через пару мгновений Мясоед чуть грубовато отдернул руку:

– Хватит уже. – Остаток воды он вылил боярину на голову.

– Переведи дух, боярин, а я тебе пока почитаю книгу одну занятную. В твоей опочивальне нашли. – Игумен достал из-под полы большой том.

Мясоед окинул обложку взором и заметил пятна восковые, ранее уже виденные. Старец раскрыл в заранее заложенном месте и нараспев, будто Псалтырь, принялся читать звучным голосом:

– *«Вскоре по смерти Алексея Адашева и по изгнании Сильвестра потянуло дымом великого гонения и разгорелся в земле Русской пожар жестокости. И, действительно, такого неслыханного гонения не бывало прежде не только в Русской земле, но и у древних языческих царей: ведь и при этих нечестивых мучителях хватали христиан и мучили тех, кто исповедовал веру во Христа и нападал на языческих богов, но тех, кто не исповедовал и скрывал свою веру в себе, не хватали и не мучили, хоть и стояли они тут же, хоть и было о них известно, хоть и были схвачены их братья и родственники. Но наш новоявленный зверь тут же начал составлять списки имен родственников Алексея и Сильвестра, и не только родственников, но всех, о ком слышал от тех же своих клеветников, – и друзей, и знакомых соседей или даже и мало знакомых, а многих и вовсе незнакомых, оклеветанных теми ради богатств их и имущества... За что же он мучил этих невинных? За то, что земля возопила об этих праведниках в их беспричинном изгнании, обличая и кляня названных этих льстецов, соблазнивших царя. А он вместе с ними, то ли оправдываясь перед всеми, то ли оберегаясь от чар, неизвестно каких, велел их мучить – не одного, не двух, но весь народ, и имена этих невинных, что умерли в муках, и перечесть невозможно по множеству их».* – Игумен громко захлопнул книгу. – Вот что дружок твой Курбский пишет в «Истории» своей, на государя нашего клеветает, в тиранстве обвиняя. – Игумен глубоко вздохнул и, переведя дух, продолжил: – Печатный двор возобновить решил. Благословение митрополита под предлогом благостным выхлопотал. Вроде бы дело богоугодное книгопечатание на Москве поставить, дело печатника Федорова продолжить. Но Иван-то Федоров да Петр Тимофеев Мстиславец в Литву ушли. К князю Константину Константиновичу Острожскому. Вроде бы единоведец наш. Литвин, а закона православного твердо держится, латинян в Варшаве и Вильно обличает. Напечатал Иван Федоров у него в Остроге Библию, Острожскую названную. Богоугодно? Вроде бы да. А если в тонкости войти? Полный список Ветхого и Нового завета, с которого сию Библию отпечатали, князь Острожский в Москве достал тайно через шпиона своего – государственного секретаря литовского Гарабурду. А сверяли они Писание с Библией греческой, которую в Острог прислал патриарх Константинопольский Иеремия прошлого лета. Можно ли доверять литвину, хоть и нашей веры, чьи шпионы у нас орудуют? А греку, живущему в Константинополе лишь из милости

султана и постоянно с Римом сносящемуся, верить можно ли? Сколько раз византийские патриархи Риму предавались, напомнить? «Апостол», Федоровым на Москве еще напечатанный, наши иноки с древними книгами позже сверяли и искажения нашли. Книги древние, рукописные вернее будут. Предки заветам старины верны были. Иезуиты за всем этим стоят, они за ниточки дергают, а цель у них одна: через постепенное искажение древних книг наших к униии с Римом нас толкнуть, чего и многие крамольники бояре московские желают. – Игумен замолк и пристально взглянул на съездившегося под его взглядом боярина. – Запомни, боярин. Многомудрие излишнее ко многим скорбям ведет, а тебя уже привело. Все это от лукавого. Русским людям все эти измышления латинские и аугсбургские, законы все эти и прочие мудрования людские не нужны. Главное для них ревность о чистоте веры нашей, а закон у нас один – закон Божий, и мы его здесь блюдем. Машина эта печатная, иноземная на Москве впервые с Федоровым появилась, а он после литвинам предан. Прост ты. Думаешь, наши они, единоверцы. А это лишь с виду. Аспиды латинские. И машина эта, вроде бы для добрых дел пригодная, на самом деле нужна закон наш священный исказить да грамотки лживые печатать, народ простой баламутить. Писца-то не обманешь, да и по скорописи всегда сознать можно, чьей это рукой писано, а с машиной этой как узнаешь? Ее на дыбе не растянешь, не испытаешь с пристрастием. – Вздохнул и с нотками исповедника продолжил: – Все про тебя ведаем боярин. – Игумен достал из-за пазухи грамоту и далее говорил, сверяясь с ней: – Как доходы свои от потаенной доли в делах купцов Строгановых от казны укрываешь. Как за грамоту, государем восемь годов назад сим купцам жалованную, вперед с них взыскал, челобитчиком их облыжно назвавшись. Как на Двине англичанам товары продаешь, мимо мыта державного, писцы из холопов твоих под личиной благостной в Лондоне в «Московской компании» втемную делают преференции в торговле российской купцам аглицким и свою цифирь в их цены закладывают, чем тебе прибыль делают, а России убыль знатную. – Игумен замолчал и кивком дал слово Мясоеду.

– Видишь теперь. Дела все твои тайные ведаем. Правую руку твою намеренно не трогали. Напишешь все сам своей скорописью, без утайки. Сам теперь разумеешь – нам все ведомо, тебе только не все изъяснили. Вот и исповедуйся полностью, а мы проверим, открыл ты нам душу или упорствовать продолжаешь. Ежели продолжаешь – обвиним в чародействе, сам знаешь, что тебя ждет тогда. Кельей в пустынном монастыре не отделаешься. А ежели чист совестью будешь перед нами – отпустим грехи твои тяжкие и в тайне сохраним. Да, половину из доходов твоих серых, от казны утаиваемых, будешь на монастырь сей жертвовать, ревность о державе – забота недешевая. На левой руке пока рукавицу носи. Кто спросит, скажешь, на лов ходил неудачно, рогатина соскользнула, и медведь руку порвал. На исповедь отныне раз в месяц в это подворье являйся, духовника доброго мы тебе приищем. И еще... – Мясоед на мгновение замолк, оперев тяжелый взгляд в очи боярина и понизив голос, добавил со значением: – Про ков ваш государю уже доложено. Тебя сокроем через грамоту целовальную потаенную. Но пару писцов твоих, из тех, что с англичанами сносятся и язык их ведают, нам отдашь. Их испытывать особо не будут, за секреты свои не бойся, сразу повесят черни на потеху, а царю челобитную представят в верном свете. – Круто развернувшись, опричник и игумен вышли вон.

За дверью стоял дьячок, ожидая решения судьбы боярина Умно-Колычева.

– Позови ему лекаря, приведите его в божеский вид, обмойте, дайте квасу или меду хмельного, и пусть спит. А ночью вернете его в палаты. – Не дожидаясь ответа дьячка, Мясоед двинулся скорым шагом за игуменом.

Вместе они поднялись на каменную стену, надежно ограждавшую подворье. Уже занимался рассвет. С холма, на котором стояло подворье, открывался вид на всю Москву. Слева Яуза, впадавшая в Москву, обе затянуты толстым льдом, множество переправ-зимников через реку в Замоскворечье, справа величественный белокаменный Кремль. Насколько хватало глаз, до горизонта были видны крытые дражкой избы, каменные палаты, купола сорока сороков

церквей. Постояли пару минут в молчании, жадно ловя первые солнечные лучи. Первым заговорил Афанасий:

– Еще одному крамольнику жало ядовитое вырвали. Будет сподвижником нашим тайным на целовальной записи. Государю верные нужны. А его верность железом каленым проверена и огнем запечатана. Враги государевы везде есть, кругом сокрыты. Вспомни митрополита Филиппа Колычева. Против воли нашей выступил, паписты его как слепое орудие использовали против опричнины. «Излишне щадил я вас, мятежников» – так государь ему тогда сказал. Пришлось его в судной палате уличить в тяжких винах и воложбе. Ну а после уж твой батюшка его в келье навестил. Отец твой, Мясоед, визию будущего для всей Руси имел на многие лета и даже века вперед. И не только для Московии, но и для Руси Западной – Литвы, под игом латинян стонущей. Государь наш богомолец, ему не до мирской суеты, потому я, отец твой, Алексей Басманов и прочие мужи верные на себя эти заботы взвалили, бремя тяжкое взяли, лишь бы государю нашему, человеку Божьему, ношу эту облегчить – он день и ночь за нас многогрешных Господа молит, приход антихриста оттягивает, ему не до мира низменного. – Игумен на минуту замолк, прошлое как явь встало у него пред очами. – Хороши были времена...

Грызи лиходеев, мети Россию! Открыто скакали мы по городам и весям с головами песьими и метлами крамолу выметать из Московии. По воскресеньям, не кроясь, обедню стояли с государем в соборной церкви Успения в кафтанах наших черных, на врагов страх наводящих. Были времена... С того же времени переменили мы кафтаны свои, метлы и головы песьи сокрыли. В книгах разрядных воеводы опричные просто дворовыми именоваться стали. Растворились мы для всех среди сволочи земской, сокрылись, как Атлантида древняя в пучине океанской.

Теперь же мы под покровом тайным, дела благие, государственные в тишине вершить нужно. Ни к чему людишкам нашим да иноземцам знать, кто крошечником государевым зовется. Потому и сокрылась опричина в тень до времени, государь тогда избрал триста лучших – лихих и злейших. Мы стали его братией, а он нашим игуменом. Все это в уставе нашем сокровенном многомудром тогда же Алексей Басманов прописал.

Много орденов разных у папистов. Одни готовы огнем и мечом под римский престол нас подводить, другие, как иезуиты, через умствования да мудрования, людям звания непростого всегда любые, навязывают волю свою. Эти лукавые, с речами сладкими да книгами премудрыми, – самые опасные. А в Риме их поглавники сидят, донесения собирают.

Сидят там писцы, толмачи да подьячие, света белого не видевшие, зато книжной мудрости обученные изрядно, и ордена эти направляют, готовя приход Антихриста. И только наше царство истинное с верой чистой на их пути стоит. Потому и появилась опричина. Наш орден, который будет биться со слугами сатанинскими – папистами до прихода архангела Михаила с воинством небесным. Покуда есть опричина, Мясоед, будет стоять и Московия. Падет опричина – падет и Московия.

Думаешь, везением случайным Московия и Тверь лукавую, и Рязань двуличную одолела? Нет. Дружина тайная суть опричина у нас мощнее оказалась, потому и не устояли они супротив нас. Новгородцы своими ушкуйниками потаенными сильны были, а псковичи – сторонщиками, но и им мы хребет сломали. Иосиф Волоцкий окончательно довершил орден наш, смысл и цель труду нашему тайному придав вселенский, так что я с родителем твоим да Алексеем Басмановым нового ничего не зачинали, а лишь старое, наше исконное продолжили. А ведемся мы от кэшика – отборного тумена самого Чингисхана, ясу его многомудрую во всем мире утверждавшего. Вместе с ярлыком на великое княжение получили московские князья и этих ханских опричников во вспоможение. Учились у них. Были в кэшике и лучшие люди московские, потом искусство, там добытое, на пользу земли нашей обернувшие. Ветхий Рим пал от ереси Аполлинариевой, новый Рим – Константинополь, обладаем безбожными племенами

агарянскими, а Третий Рим есть Москов! – Афанасий обвел взмахом десницы город, лежащий под ними.

Солнце уже взошло над Москвою, пронизывая морозный воздух яркими лучами. Внимая речам наставника, Мясоед и не заметил, что озяб изрядно, а борода его инеем покрылась. Отряхнув бороду от кристалликов льда, он размял руки, потянулся и потопал ногами, стремясь согреться. На плечо легла длань игумена, все еще тяжелая, несмотря на его лета преизрядные.

– Не нарушай благолепия, – пробасил Афанасий. – Смотри, утро какое. Ужимки свои медвежьи оставь. Внимай лучше да на ум крепко затверди, что толкую тебе.

Мясоед вновь принял вид внимательный, чуть склонив голову набок, и в почтительном ожидании замер.

– В землях латинских опасайся доминиканцев, – начал игумен, для убедительности поучения грозя указующим перстом. – Есть их соглядатаи и в аугсбургских землях. Если иезуиты – это суть наша опричнина внешняя, частью под личиной Польского приказа и купцов сокрытая, а частью под чужими личинами, на свой страх, в иностранствах всеразличных обретаются, то «Псы Господни» – это орден навроде наших крошечников внутренних, их служба тебе хорошо знакома, столько годов ее несешь. Берегись их, чего опасаться, знаешь. Но смотри, без робости лишней. И помни имена тех наших братьев, что от их рук пали. Кто тайно, а кто и явно через суд инквизиции и костер, проведенные по оглашению их еретиками публичному. Зелье подкинут, колдуном назовут – и готово. Сам знаешь. А тебе и подкидывать ничего не надо. – Старик выразительно похлопал по кафтану Мясоеда, куда тот сокрыл пузырек. Мясоед вдумчиво внимал, временами коротко кивая в знак разумения.

– Все затвердил, отче. – Голос его был глух и решителен, выдавая человека немногословного и сосредоточенного, которому чаще доводилось слушать и выполнять, нежели повелевать самому.

– Славно, сын мой. – Афанасий стал заметно веселее, высказав заранее задуманное и радуясь смысленности своего крошечника. – А теперь пойдем вниз, утро и вправду зябкое, согреемся утренней трапезой да в путь к государю загодя тронемся, опаздывать нельзя. Это государь только себе позволяет, да и то с целью благой – смирять нас, холопов его недостойных, ожиданием тягостным... Ну давай скорее, Мясоедушка, пока совсем тут с тобой не окозели. – Игумен заторопился вниз, в сторону жарко натопленных монастырских келий.

Глава 5

Хотим держать государство Московское и великое княжество Литовское за одно, как были прежде Польша и Литва.

Когда буду вашим государем, Ливония, Москва, Новгород и Псков одно будут.

Если Богу будет угодно, чтобы я был государем польских и литовских панов, наперед обещаю Богу и им, что сохраню все их права и вольности и, смотря по надобности, дам еще большие.

Я о своей доброте и злости говорить не хочу; если бы пань польские и литовские ко мне или детям моим своих сыновей на службу посылали, то узнали бы, как я зол и как я добр.

Речь Иоанна IV на аудиенции послу литовскому Воропаю от лета 1571 от Р. Х. (7079 год от сотворения мира)

Послы московские должны говорить: государю нашему царское имя Бог дал, и кто у него отнимет? Государь наши не со вчерашнего дня, извечные государь. Если же станут спрашивать: кто же со вчерашнего дня государь? – отвечать: мы говорили про то, что наш государь не со

вчерашнего дня государь, а кто со вчерашнего дня государь, тот сам себя знает!

Из поучения московским послам к польско-литовскому государю Стефану Баторию от лета 1581 от Р. Х. (7089 год от сотворения мира)

Почему ты не приехал к нам со своими войсками, почему своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями покрывает, а ты, орел двуглавый, прячешься.

Из письма Стефана Батория Иоанну IV Васильевичу от лета 1581 от Р. Х. (7089 год от сотворения мира)

Град Москов. 5 марта лета 7091 от сотворения мира (1582 год от Р. Х.)

Иноки распахнули ворота монастыря. Сперва вылетели два верховых на статных гнедых жеребцах, за ними на укатанный снег Лубянки выкатился обитый для тепла мехом возок игумена Афанасия. Верховые принялись прокладывать дорогу, где окриком, а где и свистящей плетью разгоняя густую толпу, в этот час всегда снующую здесь.

– Ишь, многолюдье какое. – Игумен глянул в окно и занавесил его наглухо. Негоже земщине всякой уличной разглядывать, кто и куда едет по делам государственным. Не их ума это дело. Плавно идет возок на полозьях, и не трясет даже, не то что в летнюю пору. – Боязно? – Спрятав усмешку в окладистую бороду, Афанасий окинул взглядом заиндевевшего от трепета встречей предстоящей Мясоеда.

– Есть немного, отче. Я же государя нашего почитай с детства, с того дня, как клятву ему принес, так близко не видал. – Мясоед перебирал пальцами лестовку и, даже отвечая на вопрос, не прекращал про себя творить умную молитву.

– Отвлекись от молитвы. Послушай вот, что государю еще на подпись везу. Дорогою из слободы набросал наш ответ литвинам. – Игумен достал листы из-за пазухи и, поднеся близко к глазам, принялся читать: – «Царь и великий князь вместе с боярами решил, что многие литовские торговые люди приезжают в Москву лазутчиками. Приедут с немногими товарами и живут в Москве год, иногда и больше, живут будто для торговли, а на самом деле чтобы шпионить, и, собрав побольше сведений, уезжают в Литву...» Да ты не слушаешь! – Афанасий, гневаясь, хлопнул себя по колену, приметив отсутствующий взгляд Мясоеда.

– Слушаю, отче, изрядно внимательно. Даже могу сказать, что вас на писание это сподвигло. Строфа из сочинения Курбского злобесного, где он на государя нашего клеветет – «Затвори Русскую землю, спрячь свободное естество человеческое аки во адове твердыне». А сие ваш ответ супостату.

– Ты что ж, на память все его сочинения затвердил? С одного раза? – В голосе игумена послышались нотки восхищения.

– Так, запомнилась строфа сия просто. – В смущении от невысказанной похвалы Мясоед чуть зарделся образами и опустил очи долу.

– Памятлив, но скромн, – с приязнью помыслил игумен.

Возок слегка встряхнуло, и он остановился. Афанасий приподнял занавесь.

– Ого! Уже у Флоровских ворот. Мигом долетели, – не сдержал он удивления. Отвык в глухомани владимирских лесов от коротких московских концов. Кованые ворота степенно, с достоинством распахнулись. Возок шагом въехал на царев двор. Дверцу распахнул чернец:

– Отче, иезуиты уже прибыли.

– Где они?

– В советной палате.

– Вези нас туда, да не в саму, а в галерею, сокрытую черным ходником.

Два стрельца с пищальми тяжелыми у входа в палаты царские молодежато взяли на караул. Игумен коротко кивнул им и в сопровождении Мясоеда поспешил за юрким чернецом, искусно ведшим их через многочисленные ходники, лестницы, горницы. Наконец вошли в нужную галерею, опоясывавшую советную палату. Задрапированная тяжелой материей, галерея была совершенно незаметна из самой палаты.

Остановившись у стрельчатой арки, выходящей на самый центр палаты, Афанасий приложил перст к губам и слегка раздвинул тяжелые парчовые занавеси – в пяти саженьях от себя Мясоед увидел спины троих иноземных послов-иезуитов, что доставили весть добрую – дружество Стефана Батория, господаря Речи Посполитой. Перед ними на троне восседал государь. По левую руку от него на дубовой массивной лавке сидели бояре в тяжелых меховых шубах, по правую – на такой же лавке князья служилые. За треном стояли дворяне сверстные, а вдоль стен выстроились стольники и младшие дворяне. Всего до полтора ста душ. Под сводами палаты разносился усиленный эхом глас государя. Он величественно рек послам-иезуитам:

– Антоний! Мне уже пятьдесят один год от рождения и недолго жить на свете. Воспитанный в правилах нашей христианской церкви, издавна несогласной с латинскою, могу ли изменить ей пред концом земного бытия своего? День суда Небесного уже близок: он явит, чья вера, ваша ли, наша ли, истиннее и светлее. Не говори, если не хочешь.

Толмач из Посольского приказа переложил речи Иоанна на язык латинский и приготовился ответ иезуита Антония Поссевина обратно на российский переводить. В этот момент один из сопровождавших папского посла братьев-иезуитов нагнулся к уху другого и прошептал, окинув взором всю палату:

– Сей двор яко смиренная обитель иноков, которая черным цветом одежд изъясляет мрачность души Иоанновой.

Второй, улыбнувшись уголками губ замечанию юного брата, едва заметно кивнул ему. Тут Антоний с живостью и жаром принялся излагать:

– Не мысли, о государь! Чтобы святой отец нудил тебя оставить веру греческую – нет, он желает единственно, чтобы ты, имея ум глубокий и просвещенный, исследовал деяния первых ее соборов и все истинное, все древнее навеки утвердил в своем царстве как закон неизменяемый. Тогда исчезнет разнествие между восточною и римскою церковию; тогда мы все будем единым телом Иисуса Христа, к радости единого, истинного, Богом установленного пастыря церкви. Государь, моля святого отца доставить тишину Европе и соединить всех христианских венценосцев для одоления неверных, не признаешь ли его сам главою христианства? Не изъяснил ли ты особенного уважения к апостольской римской вере, дозволив всякому, кто исповедует оную, жить свободно в российских владениях и молиться Всевышнему по ее святым обрядам, ты, царь великий, никем не нудимый к сему торжеству истины, но движимый явно волею Царя Царей, без коей лист древесный не падает с ветви?

Игумен Афанасий, склонившись к Мясоеду, с негодованием прошипел:

– Искусители дьяволы и недобрых дел потаковники!

На это Иоанн отвечал иезуиту Антонию:

– Унять неверных желаю, но папа, император, король испанский, французский и все другие венценосцы должны прежде чрез торжественное посольство условиться со мной о мерах сего христианского ополчения.

Антоний с умиротворением на лице внимал эти речи, чуть шурился и кивал головою в такт речи государя.

– Про веру же не хотел бы говорить с тобою. Во-первых, опасаюсь уязвить твое сердце каким-нибудь жестоким словом; во-вторых, занимаюсь единственно мирскими, государственными делами России, не толкуя церковного учения, которое есть дело нашего богомольца митрополита. Ты говоришь смело, ибо ты поп и для того сюда приехал из Рима. Греки же для нас не Евангелие: мы верим Христу, а не грекам. Что касается до Восточной империи, то знай, что

я доволен своим царством и не желаю никаких новых государств в сем земном свете, желаю только милости Божией в будущем.

Но ревностный иезуит желал дальнейшего прения:

– Вы новоуки в христианстве. Как учит святой отец...

Поучение его было прервано Иоанном:

– У христиан один отец – на небесах! Были папы действительно учениками апостольскими: Климент, Сильвестр, Агафон, Лев, Григорий; но кто именуется Христовым сопрестольником, велит носить себя на седалище как бы на облаке, как бы ангелам; кто живет не по Христову учению, тот папа есть волк, а не пастырь!

Тут уж Антоний не стерпел и в сильнейшем негодовании воскликнул:

– Если уже папа волк, то мне говорить нечего!

Смягчая голос, Иоанн отвечивал:

– Вот для чего не хотел я беседовать с тобою о вере! Невольно досаждаем друг другу. Впрочем, называю волком не Григория XIII, а папу, не следующего Христову учению. – Государь поднялся с трона и, приблизившись, с лаской положил Антонию руку на плечо. – Теперь оставим. Католики вольны жить у нас по своей вере, без укоризны и зазору, сего довольно. С тобою к папе отправлю грамоту свою. С посольством. Пишу, что готовы участвовать в союзе христианских держав против оттоманов, но по вопросу веры рассуждать не будем. Послом Яков Молвянинов поедет. – С этими словами, одарив иезуитов черными соболями, Иоанн отпустил их с почестями.

Игумен тем временем нахмурился и прошептал Мясоеду с досадой в голосе:

– Не успели мы. Грамоту сию должны были мы составлять. Не нужен нам союз с латинянами, а вот смотри ж, бояре-кромольники успели свою бумагу раньше нас государю в руку вложить...

Тут за их спинами появился давнишний чернец и со словами «Государь ждет» проводил их в заднюю горницу, где принимал Иоанн круг свой ближний.

Поглаживая рыжую, в цвет волос матери бороду, Иоанн задумчиво провожал взглядом густо падавшие за окном хлопья снега. Игумен и Мясоед замерли у двери, почтительно склонив головы. На дворе грохнули три размеренных удара молотом, вырвав великого князя из раздумий тягостных. Развернувшись, он заметил, что, услышав незнакомые звуки, Мясоед разом напрягся, будто гончая. Тень улыбки скользнула по челу Иоанна Васильевича – не ошибся он тогда в выборе, хорошего волчонка в свою стаю верную нашел.

– Диковинка это одна, Мясоед. Часомерье¹ зовется. На всякий час ударяет в колокол без участия человека. Точности необыкновенной. – Государь на миг замолк и тут же продолжил, потаенное свое открывая сподвижникам верным: – Сызмальства мысль меня мучит и снедает. Управлять как надобно – любовью или страхом? Был мне сон вещий как раз перед тем, как Новгород и Псков к покорности привели, вольности их, к чужебесию наклоняющие, под корень извели. И вот вижу я врата пылающие, а перед ними архангел стоит, в очи мне смотрит и глаголет с суровостью, вроде и по-нашему, а все как-то по-другому: «Страх превращает свободных людей в слипшуюся массу разрозненных тел». Тогда-то и порешил окончательно с Новгородом. Свобода... – слово это Иоанн будто б выплюнул с омерзением, как червя, что с плодом сладким в уста человечьи обманом проникает, – это наваждение дьявольское, а нам единство нужно. Кромешники мои верные любострашие порождают, а народ наш таков, что любит лишь то, чего страшится поистине. Потому и отделил я опричнину с батюшкой твоим, Малютой

¹ Из Троицкой летописи: «В лето 6912, индикта 12, князь великий замысли часовник и постави е на своем дворе за церковью за Св. Благовещеньем. Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы ношньные и дневньные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хит ростью, призмечтано и преухищрено. Мастер же и художник сему беяше некоторый чернец, иже от Святыя горы пришедший, родом сербин, именем Лазарь: цена же сему беяше вящше полутораста рублев».

верным, дабы она в народе любострашие насаждала. Ради единства нашего надо было утвердить на Руси суть смерти благу. Мы же как сопутники проводим народец наш грешный чрез духовное созерцание, умерщвляя плоть его. – Взгляд самодержца, устремленный ввысь, блестя безудержно, казалось, что око мелко-мелко и так же часто сотрясается внутри глазницы. Длинные тонкие подагрические пальцы скрючились, как будто он кокон невидимый вокруг себя разодрать трудился. – Долгие страдания приучают отвергать мирское, и разум, свободный от телесных мучений, открывает доселе ему неизвестное, душа народная воспаряет над землей многогрешной и соприкасается с энергиями божественными... Думаешь, не знаю, что брешут обо мне? Все ведаю. Да не знают пустобрехи сии, что епитимью эту страшную, но и великую, мы на себя взвалили, дабы Русь спасти от крамолы, а самих крамольников от мук вечных... Смерть от руки праведников крошечных есть дар Божий, избавляющий от мучений загробных. – Великий князь перевел взгляд на игумена. Изменился и тон голоса его, успокоился, пророческие ноты сменив на ласковые, он продолжил: – Труды твои, знаешь, ценю. Как Малюта десять годов тому назад сгинул в немецкой Украине – Ливонии, так ты мне его заметил. Пока мы с тобой живы, книгопечатен на Руси не будет. А потом? О будущем уже сейчас размышлять надобно. Погубитель латинства Лютер с верой своей аугсбургской так быстро ересь свою проширил, потому что книгочеи по всем землям латинским задолго до Лютера книги читали единообразные Эразма из Роттердама. Вот даже письма его и те напечатаны. – Иоанн взял со стола увесистый том с витым заглавием, готскими буквами написанным, *Opus Epistolarum Erasmi*, и потряс им: – Знаешь, что он тут про книгопечатни пишет, как их зовет? «Почти божественный инструмент». Вот как! Латиняне спохватились, да поздно. Есть у них *Index Librorum Prohibitorum*, куда они сочинения вредные вносят да сжигают вместе с авторами. Надо и нам индексы подобные загодя ввести, подготовиться к нашествию книг печатных, что опаснее степняков крымских может оказаться. Да только знать о сем индексе всем негоже. Знаю, что писцы твои да подьячии к русской летописной книге приставлены и следят неусыпно, чтобы разрядные дьяки все в ней на благо державы нашей излагали, если нужно, то и с ущербом для истины. Благо государства важнее. Для его величия в веках только и радеем. Но что в летописях по дальним монастырям пишут? Мне тут с Соловков выписки из летописной книги, что иноки тамошние ведут, доставили. Помнишь, когда Полоцк у литвинов взяли и всех погубителей Христовых под лед пустили на Двине? И верно сделали! А вот записей об сем нам иметь совсем и не надо. В главной летописной книге этого и нет – подьячии твои верно досмотрели, но на Соловках-то есть! Везде надобно смотреть, что писцы в летописи вносят, а если нужда есть – править новые списки, лишнее вымарывая, а старое уничтожать бесследно...

Иоанн, устав от столь долгой речи, примолк, глубоко вздохнул и сделал глоток воды колодезной из чаши. Игумен тихо кивал, соглашаясь с господарем, и, улучив миг тишины, быстро сделал запись в книжицу с нотницами, что всегда при себе имел. Убрав ее в потайной карман за пазухой, вымолвил:

– Все сделаю, государь. Чтобы правота наша во веки веков сомнению не подлежала.

Отрешась очами и, казалось, уйдя глубоко в думы сокровенные, Иоанн качал головою, десницей поглаживая бороду. Вспомнил! Вмиг раскрыв смеженные веки, вскинувшись и пристально глядя на игумена, спросил:

– Что с божьим человеком этим, Власом, что чернь на Москве баламутил да супротив меня настраивал?

Улыбка мелькнула только на лице Афанасия, ждал он вопроса сего и отраду испытывал от того, что есть что государю ответить.

– Божьего человека сего к покорности привели. Язык его теперь нам служит. Бояр проклиная, а тебя возвеличивает и молитвенником великим называет, коего лживые бояре в неведении держат.

– Любо, Афанасий. – Глас Иоанна сочился довольствием. Он повернулся к Мясоеду и, назидательно подняв указующий перст, изрек: – С народом говорить надо через божьих людей. Народ жалостлив и христорадников сих почитает. И верно делает. Речи их не от мира сего, а прямиком из Царствия Небесного произливаются в уши им, – взгляд Иоанна чуть блеснул лукавством, – да беда в том, что люди они преизрядно простого звания и уши мыть не все приучены, а оттого искажения в словах божественных получают, а это есть грех большой. Вот игумен Афанасий, радеть державы нашей, и помогает им чем может да на путь, прямиком к истине ведущий, наставляет. – Государь потер чело рукою и, огладив бороду, оборотился к Мясоеду: – Значит, Тишиною теперь прозываешься, Афанасий сказывал. Норову твоему дикому не подходит. Афанасий тебя в путь наставил, это я ведаю. Копию статейного списка с наказаниями послу, что боярину Молвянинову выдали, попозже получишь. Изучи внимательно. Закончите в Риме то, что посол наш Истома Шевригин зачал. Мир с Речью Посполитой нужен был, чтобы пса Батория остудить и Псков спасти. А теперь нужно так союз с Римом выправить, чтобы враг наш Баторий, вассал султана турецкого, принужден был волю папы римского исполнять и хозяина своего, а нашего неприятеля исконного, царство Османское разрушить. Пусть враги ослабляют друг друга, как говорили римляне: «Раздором властвуй!» Говорите папе о союзе военном и политическом, вопрос унии же откладывайте, сказывая, что государь вам о том рассуждать не велел, бо тут вопросы политические разбираются, а не спор о веронауке. И вот еще что. Ежели спросят у вас, что такое московская опричнина, скажите: мы не знаем никакой опричнины, кому велит государь жить близ себя, тот и живет близко, а кому далеко, тот далеко. Все люди Божьи да государевы. А ежели скажут, будто я папу волком и хищником величал, отвечайте с достоинством, что этого не слыхивали, и от разговора сего уходите. Ако же лукавый иезуит Поссевин на то укажет и на уши свои сошлет, поясните, что толмачи дурно переклад делают с языка российского на латинский. Аще толмач то изъяснил, то с него за сие непременно государь взыщет, дабы дурным своим умением и скудоумием не вносил омрачения в дела государевы. – Мясоед, внимательно внемля, в почтении склонился. Иоанн возложил ладонь ему на голову и шепотом на самое ухо добавил: – Вернешься, все как следует исполнив, пожалуй тебя постельничим.

Волнения Мясоеда ничто не выдало, лишь на мгновение в очах мелькнул восторг от обещанной награды. Постельничий! Ему государь доверяет самое драгоценное – жизнь свою и своей августейшей семьи. Дружина особая у постельничего, лишь ему подчиняется и лишь об одном радеет: о безопасности государя. Почет великий у постельничего, но и ответственность преизрядная.

Вернулись в монастырь затемно. Иноки накрыли ужин игумену и Мясоеду в трапезной и оставили их, оберегая покой от досужей братии. Хлебая постные щи из горшочка деревянной ложкой, Афанасий продолжил поучение:

– Государь наш точно дитя невинное, сие просветление ему Господом даровано как награда за набожность его. Но от сей невинности и настроения случаются... – Афанасий понизил голос почти до шепота, показав, что речи его лишь для ушей Мясоеда предназначены. – Сверх меры верит государь иноземцам-латинянам, а наклонность к ним они своим лукавством коварным от царя нашего снискали. А для того мы есть вокруг государя, чтобы в сумраке тайны от настроений подобных его оберегать заглазно и корабль наш государственный направлять в сторону истинную. И без папы с его иезуитами уняли бы Батория, заслуга миссии Поссевина в мирном договоре том невелика. Нашли бы сами управу. Милостию Божией Покров Пресвятой Богородицы землю нашу хоронит и чужебесие заморское нам в помощь непотребно. Так что смотри, Мясоед. Урок трудный тебе испал. Посольствам в Риме должно и отца нашего государя ублажить, но и так извернуть, дабы практичного проку от затеи этой – дружбы с латинянами – не вышло. Сумеешь ли? – Афанасий пристально вперился сузившимися зрачками в Мясоедовы очи и продолжил: – А должен суметь. И государю приятным быть, и делу нашему

общему ретиво и истинно службу сослужить. – На миг игумен замолк. Щи в его горшочке почти остыли, но он, казалось, позабыл о еде, одолеваемый думами куда более важными, нежели кормление плоти брэнной. – А еще награда, что государь тебе посулил. Неожиданно это. Но может оказаться важнее всех иных целей твоей миссии. Никогда крошечник еще постельничим не был. Сумеешь им стать – тогда мы Русь в единый кулак разящий соберем и тогда не устоять супостатам, ни внешним, ни внутренним.

Игумен с грохотом вскочил с лавки, схватил за шиворот Мясоеда и потащил в дальний кут, где лампадка освещала суровый лик Спасителя. Бухнувшись на колени, Афанасий, а вслед за ним Мясоед принялись бить поклоны, оглашая трапезную сдавленным торопливо повторяемым шепотом:

– Долгая лета государю, долгая лета...

Глава 6

*Турецкий царь Махмет-салтан великую правду в свое царство ввел,
иноплеменник, да сердечную радость Богу воздал; да к той бы правде да
вера христианская, ино бы с ним ангели беседовали.*

Иван Пересветов

Иstanbul, 4 раджаба, 990 А. Н. по Хиджре (25 июля 1582 года от Р. Х.)

Неровное пламя свечей освещает темные суровые лики, написанные на древних, почерневших от времени и копоти иконах. Отсветы огня бегают по низким давящим сводам и лицам двух мужчин – юного мальчика в алых шароварах и длинной домашней рубахе, перехваченной кушаком, и умудренного сединами мужа, облаченного в ризу священника.

– ...Кирие элейсон! – возгласил муж, осенил себя крестным знамением, трижды поклонился, обернулся к мальчику, перекрестил его и принялся снимать облачение. – И не забывай: все, что ты слышишь в этих стенах, должно здесь и остаться. Ты привыкнешь к двоемыслию, это крест всех ромеев, наказание по грехам нашим. Только здесь ты – Мануил Нотарас, сын Луки Нотараса, наверху ты Сейфуллах, сын Ибрахим-бея, секретаря великого везира Кара-Мустафы, честный слуга дарованного нам Аллахом султана Мурада, османлия и мусульманин. Напоминаю, потому что твоя мать снова жаловалась на тебя – никакого греческого наверху, только османский. Среди слуг могут быть шпионы янычар.

– Да, отец. – Юноша почтительно склонил белокурую голову.

Затушив свечи, они вышли в соседнее помещение – обычный подвал богатого стамбульского дома, набитый снедью, тщательно замаскировали дверь в церковку – такие сокрытые базилики были во многих домах османов с ромейскими корнями, особенно вокруг бывшего собора Святой Софии, и поднялись наверх, где царила обычная утренняя суэта – рабы, слуги, домочадцы. Один из них, отыскав глазами хозяина, стремглав бросился к нему и, согнувшись в глубоком почтительном поклоне, протянул запечатанный тяжелой сургучовой печатью сверток:

– Только что принес гонец из канцелярии великого везира.

Окинув взглядом печать и оценив важность и срочность, Ибрахим-бей после секундного раздумья скомандовал:

– Неси в библиотеку.

Безмолвно кивнув, слуга поторопился наверх, его же хозяин двинулся за ним более степенно и подобающе.

Яркий солнечный свет заливал большую просторную комнату, уставленную тяжелыми дубовыми шкапами с книгами на османском, латинском, греческом языках и на множестве варварских наречий. С азиатского берега ветер доносил степные запахи чабреца и тмина. Легкий бриз слегка колыхал занавеси, ведущие на большую террасу, куда и направился Ибра-

хим-бей. Летом его рабочий стол располагался именно там. Поудобнее устроившись и бросив взгляд вдаль – с террасы разворачивался вид на бухту Золотой Рог, где множество галер, окруженных сонмом утлых лодчонок, сновали туда и сюда, – он срезал печать и развернул сверток, достав оттуда ежедневную утреннюю корреспонденцию. Доклад старшего евнуха султанского гарема о новой ссоре Нурбану – матери султана – и его старшей жены Сафии. Повертел в руках, отложил в сторону, пока подождет. Что дальше... Успехи сипахов и янычар в боях против персов на берегах Каспия – тоже в сторону. А вот это интересно – доклад советника в крымском Сарае о поездке посольства крымского хана Магмет-Гирея в Московию. Бегло пробегая длинный текст, Ибрахим-бей глазами выхватывал наиболее значимые абзацы, особенное внимание уделяя тем мелочам, которые тщательно выспросил и записал османлия, состоящий советником при Магмет-Гирее.

«...Морок вокруг князя московитов все гуще, истину от лжи он отличает все меньше, в безумии и мракобесии погрязая. Старшего сына он извел, тем усугубив свои страдания. Средний сын – ныне наследник Феодор – болезнен и слаб, как докладывают соглядатаи из числа татар нам верных, на службе у Иоанна состоящих, наследник больше времени проводит, витая в облаках, чем в мире. Такой князь московский точно отдаст нам и Казань, и Астрахань. Иоанн даже в полубезумии опасен – он склонен к англичанам, постоянно сносится с ними, а паписты убеждают его прибрать и Литву, объединив русские земли, и выступить вместе с Европой в Крестовый поход против нашего халифата. Посольство папы римского зимою обреталось в Москве, 21 февраля принимал Иоанн иезуита Антония Поссевина, и вот какие речи, нашими доушниками записанные и переданные, благосклонно Иоанн выслушивал:

«Сей желаемый тобою общий мир и союз венецосцев может ли иметь твердое основание без единства веры? Ты знаешь, что оно утверждено собором Флорентийским, императором, духовенством Греческой империи, самым знаменитым иерархом твоей церкви Исидором: читай представленные тебе деяния сего осьмого Вселенского собора, и если где усомнишься, то повели мне изъяснить темное. Истина очевидна: приняв ее в братском союзе с сильнейшими монархами Европы, какой не достигнешь славы? Какого величия? Государь! Ты возьмешь не только Киев, древнюю собственность России, но и всю империю Византийскую, отъятую Богом у греков за их раскол и неповиновение Христу Спасителю».

Ибрахим-бей мельком посмотрел несколько страниц, пока его взгляд не зацепился за следующий абзац:

«Иоанн временами величает папу «волком и хищником», но дела важнее слов – в Рим с иезуитом Поссевином отправлено посольство московитов, вероятность союза неверных против султана постоянно растет, лишь противоречия западных и восточных христиан пока отвращают эту беду. Потому нужны наши усилия, дабы кафиры не соединились. В этом единомышленники наши невольные – московиты к Иоанну близкие, что лишь укрепляют его помрачение, все новые и новые заговоры изобличая и от союза христианского отвращая. Погрязнув в байках, они верят, что лишь они истинны и за это все вокруг ополчились на них. Эти умонастроения нам полезны, потому считаю, что халифат тайно и явно должен их поддерживать. Так, полезно было бы направить слугу султанова – патриарха Константинопольского в Москву, дабы укрепить ненависть московитов к Литве и церкви Римской».

Далее шли слухи и другая непроверенная информация, эти листы Ибрахим-бей нетерпеливо пролистывал, пока не дошел до последней страницы, где было всего несколько строк, зато написанных крупно, как-то подчеркнуто торжественно:

«Также Магмет-Гирей по совету нашему двух звездочетов Иоанну в подарок направил, для дальнейшего смущения разума его. А лазутчики наши, из числа казанцев, Иоанном обласканных и веру его для виду принявших, сообщили, что лекарь царский немец Елисей Бомелий, известный на Москве как волхв и отравитель, в страшные долги ими был загнан, а расписки его

были на следующую бумагу, собственноручно им писанную, обменены – ее прилагаю отдельно и жду ваших распоряжений».

Свернув письмо, Ибрахим-бей взялся за следующую, уже потрепанную бумагу, озаглавленную по-немецки Mit Gift ertödtен, а ниже привычной арабской вязью османского языка – перевод бумаги, оставшейся в оригинале у крымского советника:

«...Я, Елисей Бомелий, клянусь Пресвятою Троицею в том, что хочу отравить еретика и безбожника Иоанна Васильева, врага султана и всего мира, если же сего не сделаю и обману моего благодетеля Мурада III, то да буду навеки лишен счастья и покоя в Царствии Небесном и милости Господа Бога моего и единственного сына его И. Х., пролившего за нас кровь свою; да не буду иметь помощи от Духа Святого; да оставят меня все ангелы-хранители рода христианского; стихии мира сего, созданные на пользу человеком, да обратятся на главу мою; земля да поглотит меня живого; земные произрастания да будут мне ядом; да овладеет диавол телом и душою моею, и если даже, вздумав не выполнять своего обещания, потребую от отца духовного отпущения в сем грехе моем, то же отпущение да не будет иметь силы. Но нет! Воистину исполню слово свое и отравлю великого князя московитов холопа антихриста и врага веры христианской чернокнижника Иоанна Васильева сим ядом, уповая на помощь Божию и Святое Евангелие».

Усмешка тронула уста Ибрахим-бея. Он покрутил бумажку в руках и еще раз перечитал, после чего провел ладонями по лицу – от лба к подбородку и, продолжая держать их перед лицом, произнес с благоговением: «Хвала Аллаху, господу миров, сотворившему этот мир, где небеса держатся без опор».

Чуткий его слух уловил шаги на лестнице и мягкую, чуть шаркающую походку, которую он узнал бы из миллиона. Не оборачиваясь, он произнес:

– Абу Низам-паша!

Это был воспитатель наследника, тайный советник дивана, наконец, глава суфийского тариката, выходцем из которого был сам везир Кара-Мустафа. Его мало кто знал в лицо, но каждый о нем что-то слышал. Ничего определенного. Он почти не человек – он тень. Но тень самого султана. В ответ раздался тихий вкрадчивый голос:

– Ассаламу алейкум ва рахматулла ва барракатум, Ибрахим-бей.

Ибрахим-бей развернулся навстречу гостю и, произнеся: «Ва алейкум салам ва рахматулла ва барракатум», заключил пришедшего, пожилого крепкого пашу с цепким внимательным взглядом из-под густых седых бровей, в дружеские объятия.

Спустя пару минут они сидели, утопая в подушках, друг напротив друга. На низком столике между ними стояла шахматная доска с искусно вырезанными фигурками из слоновой кости, две пиалы с ароматным зеленым чаем и большой арабский кальян. Глубоко затянувшись и зажмурившись от удовольствия, паша выпустил из груди клубы опутавшего его дыма.

Бросив взгляд на заваленный бумагами стол, он с усмешкой заметил:

– Мой друг, вы будто славный халиф Мансур из времен Аббасидов начинаете свой день с донесений. Тот не пропускал ни одной депеши Бариды, лично просматривал их все.

– Бариды? – переспросил Ибрахим-бей, вскинув брови. – Впервые слышу это название.

Пожилой паша с кряхтением поудобнее устраивался на подушках.

– Загляните в сочинение почтенного аль-Истахри «Масалик ал-Мамалик». Там он подробно пишет о Бариде. Формально это была не более чем почтовая служба халифата. В реальности же сеть соглядатаев покрывала всю страну и не подчинялась никому, кроме султана. А полномочия этих невзрачных чиновников были безграничны. Можно сказать, Барид – это наш предок. Хотя справедливости ради замечу, что у византийцев мы позаимствовали куда больше. – Тонкая усмешка тронула уста Ибрахим-бея.

– Однако вернемся к нашей партии. Ибрахим-бей, я обдумывал свой ход в течение недели и теперь... – Абу Низам медленно потянулся к фигуре черного всадника и переставил ее на свободную клетку. – Мой конь угрожает вашему ферзю!

– Яхх! – Возглас восхищения вырвался из уст Ибрахим-бея, и он замер в сосредоточенной позе над доской, пристально гипнотизируя фигуры взглядом.

– Как ваш сын? – Паша откинулся на подушки и, казалось, весь ушел в созерцание чубука кальяна. – Вразумление ему сделали?

Ибрахим-бей очнулся от секундного оцепенения:

– Ах да. Благодарю вас за предупреждение, Низам-паша. Эти янычары с их фанатизмом просто невозможны.

– Вы же понимаете, что они нужны нам именно такими. Приходится терпеть небольшие неудобства ради вящей славы нашей. – На секунду паша умолк, на лице его промелькнуло смущение, которое он тут же скрыл лукавой усмешкой. – А все же мне интересно, Ибрахим-бей, как вы сочетаете в себе ромейскую ортодоксию и преданную службу султану и халифату во имя Аллаха милостивого и милосердного, почему ваша ромейская сущность не конфликтует со знатным придворным османлией-чиновником? Вы не давали ни малейшего повода усомниться в вашей верности, и тем интереснее услышать ваше объяснение.

– Боюсь, вам не удалось застать меня врасплох, о досточтимый паша. К этому разговору я готов с юности, но простите меня на минуту. – Ибрахим-бей пружинисто и ловко поднялся и вышел в библиотеку, откуда скоро вернулся с ветхим фолиантом, тронутым пылью и тленом. Он смахнул пыль и открыл том. – Это сочинение *De Pace Fidei* написано сто тридцать лет назад, в год падения Константинополя, Николой Кузанцем, кардиналом и папским легатом. Тогда же он прибыл к нам из Рима в последний раз и подарил этот трактат моему прапрапрадеду. Он не успел его прочесть, он погиб на стенах города, обороняя его от правоверных. Его сын, мой прапрадед, внимательно прочел трактат и завещание его отца, где тот наказывал сохранить нашу святую веру и служить Византии и ее народу, как бы она ни называлась, при любом правителе. Как и многие другие ромеи, мой прапрадед присягнул султану и произнес шахаду в присутствии двух свидетелей и присоединился к умме правоверных, одновременно с этим построив малую подземную базилику в подвале нашего дома, – паша, покачивая головой для ободрения собеседника, почти скрылся в клубах дыма, – а в этом трактате квинтэссенция миропонимания ромеев, которую визионер Кузанец приготовил для нас заранее. Вот, послушайте... – Ибрахим-бей поместил книгу на колени и принялся читать на латыни, тут же переводя на османский: – *«И узнают все, что одна единая религия существует в разнообразии обрядов. И если это различие обрядов отменить, пожалуй, невозможно и бесполезно, так что пусть разнообразие служит возрастанию благочестия, когда всякая область своим обычаям служения, как бы более тебе угодным, будет воздавать тебе, царю, более ревностные почести, то, по крайней мере, как ты один, так будут едины религия и вероисповедание»*. – Он перелистнул несколько листов и продолжил: – *«Все человеческие знания предположительно, Бог для человека непознаваем, истина недоступна разуму, не умеющему снять противоречия. Надо возвыситься над различиями и множественностью»*. – На миг Ибрахим-бей замолк, перелистнув вновь страницы, и бросил короткий взгляд на собеседника, чье сосредоточенное внимание совершенно успокоило его. Он продолжил чтение: – *«Все люди книги почитают единое Божество во многих божественных образах...»*

Паша, взмахнув рукой, прервал чтение и задумчиво повторил:

– Во многих божественных образах... Думаю, Шейхуль-Ислам сказал бы, что это противоречит Таухиду, но я вас понял, продолжайте, прошу вас.

Ибрахим-бей зашелестел страницами:

– *«...Только тебе мы обязаны своим рождением и бытием, тебе, кого пытались познать все религии и называли различными именами, поскольку сущий ты непознаваем и неизречен»*. –

Ибрахим-бей закончил чтение и трепетно закрыл книгу. Отложив ее в сторону, он выпрямился, заложил руки за спину и устремил взгляд вдаль, на бухту Золотой Рог. Чуть помолчав, он продолжил: – Византия вечна. Обрядовость и форма не важны, как и название. Всевышнему угодно, чтобы все земли управлялись его наместником отсюда. Универсалистская сущность халифата есть то же, что и Ромейская империя. Повисло молчание. Ибрахим-бей, взявшись двумя руками за портик балкона, глубоко вдохнул свежий насыщенный морской солью бриз с Геллеспонта.

– Это столица мира, как бы она ни называлась. Космография, сочетаемая с политикомом, определяют сущность и природу держав. Иными словами, все это по воле Аллаха.

Спустя пару минут паша отложил кальян и, отодвинув шахматную доску, положил на стол бумаги:

– А теперь к делам. Ибрахим-бей, я вижу, что вы по праву занимаете свой пост при дворе, и сегодняшний отвлеченный наш разговор я начал не случайно. По сути, мы его продолжаем, только лишь в практической плоскости. Вы читали сефаретнаме² из Крыма в утренней расылке канцелярии великого везира?

Ибрахим-бей утвердительно кивнул.

– Вы один из лучших специалистов в халифате по варварским народам, в частности, по ранее подконтрольным Византии москвитам. В последние десятилетия они серьезно усилились, потеря Казани и Астрахани вопрос периферийный, хотя и болезненный для нашей гордости, а вот их дипломатическая активность в Европе всерьез нас настораживает. Зачитаю вам один документ, вы его не видели, он из моего личного архива, написан одним австрийским эджнеби³, взятым нами в плен на Дунае и принявшим ислам. Слушайте... – Паша достал лист тонкой белоснежной бумаги из кипы документов и принялся вполголоса читать, с трудом разбирая бисерный почерк писца: – *«Январь 1576 года от рождества пророка Исы. Князь москвитов Иоанн встречает в Можайске австрийских послов Яна Кобенцеля и Данишля Принца. Император Максимилиан молил Иоанна словом и делом, грамотами и мечом помочь в возведении его племянника Эрнеста на трон Речи Посполитой и не воевать Ливонии, области, издавна принадлежащей к Священной Римской империи. Тогда, говорили послы, вся Европа христианская заключит союз с тобою, Иоанн, чтобы одним ударом, на морях и на суше, низвергнуть великую державу оттоманов. Вот подвиг, коим ты можешь навеки прославить себя и Московию! Изгоним оттоманов из Константинополя в Аравию, искореним веру Магометову, знаменем креста снова осеним Фракию, Элладу, и все древнее царство Греческое на восход солнца да будет твое! О царь великий! Так вещает император, святой отец папа и король испанский»*. – Паша закончил чтение и, оторвав взгляд от бумаги, сдвинул кустистые брови и продолжил: – Тогда у них не вышло. Во многом благодаря нашим действиям. Но помог нам лишь случай. А подобных попыток все больше, Иоанн сноится со всеми европейскими государствами, а теперь вот уже второе за два года посольство едет в Рим к папе. Это тенденция. Очевидно взаимное притяжение. Пока мы удерживаем их на расстоянии лишь благодаря усилиям друга и вассала Высокой Порты Стефана Батория. Но Речь Посполитая – непредсказуемый регион. Ведь и в Варшаве есть искренние сторонники среди шляхты идеи возведения на престол древних пиастов Иоанна. Сценарий маловероятный, но возможный! А это значит, что под руку Москвы уйдут и Литва, и Польша, и Ливония! – Низам-паша замолчал, морщины прорезали его высокий лоб. – Ибрахим-бей, дайте вашу характеристику слабым мест князя Иоанна. – Что ж, – протянул хозяин дома, выгадывая пару секунд на размышления, – сразу скажу, что это импровизация, возможно, что-то я могу упустить, нужно поработать в архиве

² Сефаретнаме – то же, что Статейный список в Посольском приказе Московского государства. Иными словами, отчетный доклад посла о его миссии.

³ Эджнеби – чужестранец.

с донесениями... Но начнем с высокомерия. Он требует величать себя не великим князем, а царем, так как вывел родословную от Августа Кесаря. Вот что пишет он шведскому королю Юхану III – наш соглядатай в Швеции купил копию письма у личного слуги короля... – Ибрахим-бей зашелестел бумагами, разложенными на столе, и, выудив искомую, зачитал: – *«А если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы – так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой – бесчестье».*

Закончив чтение, Ибрахим-бей поднял глаза на гостя, тот с усмешкой хмыкнул, знаком приказав продолжать. Ибрахим-бей с почтением кивнул, прочистил горло и, сделав глоток воды, начал дальше:

– *«Его высокомерие – серьезное препятствие для налаживания конструктивных связей с Европой. Большая часть европейских дворов не идут в вопросах этикета и протокола на уступки диким московитам, лишь изредка, по большой необходимости потакая их самомнению. Следовательно, если мы будем исподволь и напрямую поощрять князя Иоанна в этом, то укрепим его гордыню и усложним их сношения с Европой. Как это сделать... Ну, например, московиты давно алчут для своей церкви патриарха. Возможно, стоит приказать рабу султана – вселенскому патриарху Ромейской церкви дать им искомое – позволить им называться автокефальной церковью со своим патриархом. Это усложнит и возможный компромисс с Римом. Впрочем, он умеет идти на компромисс. Так, в переписке с Римом он начинает свои послания с молитвы Святой Троице, что естественно для латинян, но совсем необычно для греков и московитов. Эта готовность к согласию в вопросах веры в сношениях со святым престолом – тенденция угрожающая. Далее. Суеверие и мнительность...»*

– Достаточно, Ибрахим-бей. – Паша с улыбкой поднял ладони вверх. – Вы крупнейший наш специалист, и я вижу, что не ошибся в своем выборе. Но у меня мало времени, к сожалению, пора ехать на доклад к султану. От лица мухабарата Османской империи, к которому с недавних пор и вы имеете честь принадлежать, прошу вас к завтрашнему утру подготовить доклад для совета мухабарата по ситуации в Московии и прогноз на тот случай, если мы примем предложение этого доктора Бомелия. Завтра вечером соберется совет. Вероятно, он примет то решение, что предложите вы. Послезавтра на основе решения совета будет издан секретный фирман султана. – Тут серьезность на лице паши сменилась лукавой улыбкой. – Янычары думают, что они диктуют свою волю, и диван так думает, даже евнухи гарема уверены, что султан лишь игрушка в их руках. Все они ошибаются. Султан – тень Всевышнего и хранитель веры, он символ и солнце, что освещает нам путь, он наше сердце. А мы, мухабарат, сокрытые в тени нашего солнца, – это мозг. И вот мы с вами, любезный Ибрахим-бей, тут за этой шахматной доской творим историю и формируем будущее. И султан, и везир поступят так, как посоветуем мы. При этом диван будет думать, что это янычары, те будут грешить на евнухов, которые даже не поймут, что что-то произошло, а мы, как всегда, в тени. Удобно, когда тебя нет, но немного печально. – Паша двумя руками поднял пиалу с зеленым чаем и осушил до дна одним махом. – Да, гибнут наши имена! – Он торопливо поднялся, собрал бумаги и еще раз напомнил: – Завтра утром жду ваш доклад.

Проводив гостя, Ибрахим-бей заперся у себя в кабинете, и вот какой текст на следующее утро читал Абу Низам-паша.

ДОКЛАД ИБРАХИМ-БЕЯ СОВЕТУ МУХАБАРАТА

После гибели Византии в 1453 году от рождения Пророка Исы московиты, всеми силами стараясь легитимизировать и максимально удревнить свое княжество, не считаясь со своим вассальным статусом по отношению к Крымскому ханству, объявили о том, что они наследуют Византии. Около 60 лет назад из стен псковского Спасо-Елеазарова монастыря вышла доктрина «Москва – Третий Рим» – «Два Рима пали, а четвертому не бывать». Данная доктрина

не была замечена вне пределов Московии, однако внутри княжества она стала основополагающей для значительной части элиты.

До последнего времени рост амбиций Москвы удавалось контролировать, используя непомерную гордыню Москвы как инструмент для их же изоляции. Стоит отметить успешную операцию во времена везира Мехмеда Соколлу⁴, повлекшую за собой вербовку видного москвиты литовского происхождения Ивана Пересветова, втайне принявшего ислам и вернувшегося в Московию. Там он подготовил идеологический документ, который должен был обеспечить благосклонность Московии к халифату. Отметим, что для нынешнего великого князя Иоанна эти наставления также были определяющими, однако далеко не в полном объеме, хотя до сих пор он хранит их в своем столе и перечитывает. О том, какое влияние на москвитов до Иоанна имел халифат, говорит хотя бы такой факт. Их диван, названный собор, в своем решении говорит отдельно о запрете «тафей безбожного Махмета» (Аста-фируллах, Аста-фируллах, Аста-фируллах). Небольшая, но показательная иллюстрация о влиянии халифата на нравы москвитов, однако в последние десятилетия оно стремительно падает.

Князь Иоанн тяготеет к Европе, постоянно сносятся со всеми европейскими дворами, при этом и Европа, и Московия стремятся к союзу, направленному против халифата. Разделяет их политически лишь вопрос Речи Посполитой, но ситуация внутри этой унии Польши и Литвы сложна и постоянно меняется, у Иоанна лично и у Московии там много сторонников. На данный момент Стефан Баторий лоялен султану и враждебен москвитам, но сделать по этой державе долговременный прогноз невозможно. Идеологически более тесному союзу москвитов с Европой мешает вопрос веры, однако тенденция последних десяти лет говорит о том, что возросшая дипломатическая активность позволит решить эти вопросы, и тогда халифат будет иметь перед собой единый христианский фронт. При этом внутри Московии есть серьезная прозападная партия, наклоненная к латинской вере и унии. Им противостоит партия, наследующая идеологии, создателю концепции «Москва – Третий Рим», монаху Филофею, отрицающая какие бы то ни было компромиссы и выступающая за изоляционизм. Исключение фактора князя Иоанна в обозримом будущем приведет к следующему эффекту.

Власть формальная перейдет к слабому наследнику Феодору. Власть реальная – к некоему регентскому совету, возглавить кой может видный вельможа и государственный деятель Борис Годунов – брат жены Феодора. Это приведет к усилению сокрытой до времени под видом монастыря опричнины (московский прообраз примитивного мухабарата), ненавидящей боярство, особенно наклоненное к латинству. Сегодня их сдерживает лишь Иоанн, использующий бояр и опричнину как две опоры своей власти, которые в постоянной вражде друг с другом нуждаются в нем как в верховном арбитре. Опричнина считает себя наследницей ясы Чингисхана. Такая внутренняя доктрина не позволит им найти компромисс с римским папой, германским императором или любым другим европейским центром силы. Наоборот, их приход к власти ослабит Московию, и тогда с помощью Речи Посполитой и крымского хана халифат может как минимум вернуть Казань и Астрахань в сферу своего влияния. Исходя из этого, считаю, что сценарий, предложенный нашим посланником в Крыму с использованием доктора Бомелия для нейтрализации князя Иоанна, является оптимальным и должен быть реализован в ближайшие два года после необходимых подготовительных мероприятий.

Также в ближайшие десять лет для нейтрализации угрозы Московии необходимо:

Отправить константинопольского патриарха в Москву. Москвиты еще за пять лет до падения Византии провозгласили в гордыне своей и неприятии Ферраро-Флорентийской унии Византии с Римом автокефалию своей церкви и стали сами поставлять митрополитов, не сносясь с константинопольским вселенским патриархом. Надо даровать им ее официально. Это усилит их непомерную спесь и гордыню и воздвигнет непреодолимые преграды в заключении

⁴ Мехмед-паша Соколович.

союза с Римом, а также осложнит отношения с Литвой – той частью Речи Посполитой, где народ, как и москвиты, исповедует в основном восточно-христианскую ортодоксальную веру и говорит на славяно-русском наречии.

Стефан Баторий должен заложить в Речи Посполитой фундамент будущего отношения к Московии. Именно Речь Посполитая должна будет серьезно ослабить, но ни в коем случае не поглотить Московию и может даже дать ей новую династию (Феодор слабоумен и, очевидно, бесплоден, а младший сын Иоанна – Уар, или Дмитрий, пока еще очень мал). Речь Посполитая – яблоко раздора Московии и Европы. Наша глобальная цель – усугубить их противоречия, сделав их нерешаемыми и непреодолимыми. Divide et Impera. Дабы союз Европы и Москвы стал невозможен в принципе.

Сменить в Крыму хана Магмет-Гирея, как имеющего склонность к своеволию и наклонность как к Литве, так и к Московии, на его брата Ислам-Гирея, менее популярного, а оттого более зависимого и преданного Великой Порте. Придать Ислам-Гирею для поддержки корпус янычар, одновременно тем самым уменьшив их количество в Истамбуле до уровня, исключающего их неподконтрольность.

Глава 7

*Ум оступится, тело изнеможе, болезнует дух...
...А что по множеству беззаконий моих, Божию гневу
распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего
достояния, и скитаюся по странам...
**Завещание Ивана IV Васильевича от лета 1572 от Р. Х. (7080 год от
сотворения мира)***

Град Москов. Кремль. Весна лета 7092 от сотворения мира (1584 год от Р. Х.)

Повисла густая, осязаемая тишина. Казалось, пространство вокруг состоит не из пустоты, а из звенящего хрупкого хрусталя. Оцепенение тишины рассыпалось на тысячи мелких осколков, ее разбил огласивший стены Кремля крик: «Не стало государя!» Он эхом полетел по палатам, охватывая древнюю твердыню, будто пламенем, бабьим воем и визгом.

Третьего дня в ночь между церквами Иоанна Великого и Благовещения явилось на небе знамение огненное – крест пылающий. Иоанн Васильевич с людьми близкими вышел на красное крыльцо и, узрив чудо сие, застонал и, прикрыв очи ладонью, прошептал:

– Вот знамение моей смерти!

Наутро он занемог и тут же отправил любимца своего Бельского и постельничего Вислого толковать о знаменьях к прорицателям, коих он собрал в специальной избе до пяти дюжин. Были там астрологи с Востока, волхвы из дальних лесных закутков Руси и даже из Лапландии. Те прорекли ему смерть на третий день. Государь принял сие мрачное послание смиренно, созвал бояр и велел писать завещание.

Утром третьего дня, взяв теплую ванну, ему стало лучше. Он повеселел и, позвав Мясо-еда, рек тому:

– Объяви казнь лживым прорицателям, ныне, по их басням, мне должно умереть, а я чувствую себя изрядно бодрее.

Мясоед кивнул и приказал устанавливать чаны медные на площади Красной. «Сварим нечестивцев богомерзких на потеху и в назидание москвитянам», – решил он, вспомнив виденное в отрочестве. Но не успели изготовить чаны кипяtilьные, как от Бельского, запыхавшись, прибежал гонец доверенный с мрачной вестью. Чуть переведя дух, он выпалил:

– Отходит государь, соборуют его.

Мясоед бросился в царскую опочивальню, но в дверях столкнулся с митрополитом, печально покачивавшим головою.

К следующему утру Мясоед опросил двух лекарей московитских, неотступно бывших с государем, и одного англичского доктора. Бабкой-знахаркой пренебрег. Не могли найти только Бомелия.

Перерыв бумаги в своей горнице, Мясоед нашел список с доклада Таубе игумену Афанасию годичной давности. Так и есть! Курбский умирал три дня – сначала тяжкий огненный недуг, а после гниение в нутрях. Слово в слово как лекари про государя сказывали. Очи Мясоеда сузились. Не оборачиваясь, он поднял руку и поманил инока, мявшегося в дверях.

– Да, Мясоед Малютович. – Голос решительного человека, привыкшего повиноваться лишь одному хозяину.

– Бомелия нашли?

– Нет.

– Дворня?

– Двое из близких холопов на дыбе выдали, что злодей отъехал в сторону Литвы. После испытания с пристрастием припомнили, что водился он с крымчаками, что с посольством хана крымского на Москве два года назад были.

Мясоед шумно выдохнул. Взмахом руки отпустив инока, стал собираться к игумену на доклад. Тяжко на душе. Ох, прав был покойный государь, червь крамолы везде проник, никому веры нет. Истово осенив себя крестным знаменем и сотворив три земных поклона перед образом

Божьей Матери, Мясоед круто развернулся и двинулся в сторону улицы. Страх встретиться взглядом с игуменом и услышать его обличения сковывал все нутро морозом. «Пойду пешим!» – решил он. Вроде рядышком, а все подольше оттянуть пугающий миг. Про себя он непрестанно твердил Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божие, помилуй мя грешнаго!»

Стая воронов с карканьем поднялась с нарядных луковичных маковок церковки в середине Никольской и устремилась ввысь. В лохмотьях, сквозь которые проглядывают ржавые вериги и худое, грязное, покрытое нарывами да язвами тело, сидит на паперти уродливый Влас, человек божий. Очи затянута бельмами, и оттого-то на Москве сказывают, он дня сегодняшнего не видит, зато грядущее прорицает. Миска с медяками – копейками да полушками, – стоящая перед ним, наполнилась быстро. Звонко шелкают монетки одна об другую – любят московляне своего Власа и верят ему. Вот и сейчас столпились, сгрудились вокруг нищего, на лицах испуг, голоса, толкаются, вопрошают, перебивая и перекрикивая друг друга:

– Что ж с нами сиротами теперь будет, когда батюшка и заступник наш великий князь Иоанн Васильевич преставился?

Воздев невидящие очи к небу, где вились вороны, Влас поднял десницу, и толпа враз смолкла, затаив дыхание. Уродливый начал почти что шепотом, постепенно повышая голос:

– Выпил сей Аполлион вино ярости Божией, приготовленное в чаше гнева его, и будет мучим в огне и сере, ибо не раскаялся он в убийствах своих, в чародействах своих, в блудодеянии своем и в воровстве своем. – Голос его, постепенно усиливаясь, теперь гремел на всю Никольскую, прохожие оборачивались и протискивались поближе, стараясь украдкой хотя бы на мгновение перстом прикоснуться к рубищу святого человека. – Святой Божий град наш Москов он духом полыни напитал, во власть саранчи отдал, не в Третий Рим, а во второй Вавилон блудливый превратил. Сделался он жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем нечистой и отвратительной птице о двух головах, неприродной и богопротивной, что в Кремле гнездо свила. – Влас на миг замолк, и по толпе прокатился вздох охватившего всех трепета. И тут голос его загремел втрое сильнее: – И за то в один день... Придут на нас казни, смерть, плач и голод... И будет сие гнездовище сожжено огнем... Потому что силен Господь Бог, судящий тех, кто Аполлиону наследует...

Звенящую тишину разорвал выстрел. Влас схватился за грудь и с хрипом повалился на паперть, лохмотья тут же пропитались алым. Толпа вмиг ожила, заволновалась, загомонила. Засунув малую ручную пищаль с еще дымящимся дулом за кушак, дюжий молодец в черном кафтане и волчьей шапке, локтями расталкивая толпу, выбрался на простор Никольской, бормоча себе под нос: «Бесовский отметник». Несколько мужичков было попробовали остановить злодея, да только он их таким взглядом полоснул, так очами ожег, что они сразу же назад подались, на несколько шагов отшатнулись.

Холодная усмешка скользнула по челу Мясоеда. Одними губами прошептал:

– Назад, сиволапые.

Толпа словно онемела, поникла, запахла и вмиг пропитала воздух страхом. Мясоед повел ноздрями, уловив этот едва чуемый смрад трусости человеческой, еще раз обвел осунувшихся людишек тяжелым взглядом и, убедившись, что ни у кого дерзновения нет очи горе поднять, развернулся и неторопливо двинулся в сторону Лубянки.

Февраль 2015 – ноябрь 2016

Запах земляники

Очень многие люди обоего пола пренебрегли собственным спасением и, отвернувшись от истинной веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних и других животных.

*Из булл папы Иннокентия VIII. **Summis desiderantes***

*Эта ересь отличается и тем, что из всех видов кудесничества она обладает наибольшей степенью злобы. Ведь даже ее латинское наименование – **maleficium** происходит от **maleficere**, то есть **male de fide sentire** (по-русски: «дурно относиться к вере»).*

***Malleus Maleficarum** / «Молот ведьм»*

In his ordo est ordinem non servare⁵.

Плавно несет свои воды величественный и древний Дануб, ныне называемый Дунаем. Огибает он тянущуюся на сотню миль, покрытую девственным лесом Фруктовую гору. У подножия горы, на склоне, спускающемся к реке, уютно примостился маленький городок. На деревянной табличке, прибитой к столбу на обочине запыленного тракта, там, где он входит в город, аккуратно выведено ломаными строгими буквами его название – Karlowitz. Если смотреть сверху, со склона горы, то он напоминает игрушечный – множество шпилей, опрятные сады, черепичные крыши. А стоит спуститься вниз и войти на мощенные камнем улочки, как путника окутает аромат города – въевшийся в крыши и стены чад угля, миазмы и испарения, исходящие от тел множества людей и животных, манящие запахи жарящегося мяса и кислой капусты, вина и пива, тянущиеся из таверн, приторный дурман ладана и сотен свечей, витающий вокруг церквей. Смешиваясь воедино, они образовывали своеобразный, ни на что не похожий аромат, который обнимал и пронизывал весь город.

А вот небольшой домик с приветливо светящимися окошками на Дубовой улице. Домик стоит не сказать чтобы в центре, но и не на окраине. Где-то посередине. В нем живут бабушка и внучка, Ангелина и Сунчица. В камине весело трещат поленья, шипит смола, бабушка ставит на огонь котелок с ключевой водой. Хорошо вечером выпить липового чая, чьи засушенные цветы висят пучками под потолком и пьяняще благоухают. Привкус корицы, тмина, мяты и прочих сушеных трав, казалось, насквозь пропитал стены домика. Тут же у камина пристроилась и внучка. Спрятав тугую льняную косу подальше от пламени, она вышивает в его свете. Стежок за стежком игла с шелковой нитью так и летают в ее юрких, умелых пальчиках, и на полотнище, как живой, проступает сидящий на дереве бельчонок с кедровой шишкой в лапках.

Напившись чаю, бабушка прибрала со стола и, изображая строгость, но продолжая лучисто улыбаться уголками рта, сказала своим ласковым певучим голосом, повернувшись к внучке:

– Сунчица, пора спать, завтра у нас с тобой много дел, ты не забыла?

Подняв голову от вышивки, девчушка, прищурившись, спросила звонким голоском:

– Бабушка, а ты расскажешь мне сказку?

⁵ В таких случаях правило – не соблюдать правил (*лат.*).

– Ну конечно же, внучка! Разве можно засыпать без сказки? – всплеснула руками Ангелина. – Обязательно расскажу!

– А почему нельзя засыпать без сказки? – Сунчица лукаво склонила голову на плечо.

– Потому что во сне человек беззащитен, а сказка отгоняет злых духов, – бабушка погладила девочку по головке, – и защищает того, кто ее слушал, внученька.

Укрыв Сунчицу, крепко обнявшую плюшевого мишку по имени Пухатик, теплым лоскутным одеялом, Ангелина подоткнула уголки, притушила свечи и принялась рассказывать сказку:

– Далеко-далеко в Исполиновых горах живет князь гномов по имени Рюбецаль. Царство его невелико, зато очень глубоко – на восемь сотен миль уходит оно к недрам земли. Рюбецаль любит бродить по своим владениям, осматривать неисчислимые богатства в подземных кладовых, приглядывать за своими подданными – гномами-рудоклопами, да расставлять их – кого на добычу золота, кого на кузню, а кого строить прочную дамбу, чтобы сдержать огненную стихию и не дать ей вырваться из недр земли...

Голос бабушки обволакивал и убаюкивал, и скоро уже Сунчица сладко спала, положив ладошку под голову, и видела во сне дальние неведомые страны и кряжистых гномов, куда-то идущих сквозь вековой лес всей артелью, распевая тягучую, протяжную песнь на древнем языке...

– Вставай, соня. – Бабушка погладила Сунчицу по головке. – Уже утро, ты помнишь, что сегодня мы идем с тобой в лес?

Девочка сладко потянулась, на миг прижалась к бабушкиной руке, пахнувшей земляничкой, и спрыгнула с высокой перины. На крепком дубовом столе уже поджидал аппетитный завтрак – кувшинчик парного молока, мед, орехи, сушеный чернослив и свежая сдоба с начинкой из лесной земляники и хрустящей корочкой только что из печи.

Выйдя из дома и прикрыв дверь, Ангелина проводила взглядом шмеля, деловито прожужжавшего мимо. Уставившись ему вслед, она на миг о чем-то задумалась и, повернувшись к Сунчице, сказала:

– Знаешь что, сбегай-ка в огород и прихвати пару морковок.

Сунчица подняла глаза, полные удивления, на бабушку:

– Зачем нам в лесу морковка?

– Почему-то мне кажется, что она тебе сегодня пригодится, – задумчиво ответила Ангелина.

По дороге Сунчица весело скакала вокруг бабушки, танцевала с лукошком в руках, сплела венок и нарвала букет луговых цветов. Город остался далеко позади, а тропка, что вела их в сторону леса, причудливо вилась по склонам Фруктовой горы.

– Бабушка, бабушка, а откуда взялись горы? – спросила запыхавшаяся от подъема в гору девочка.

– Горы... – Бабушка, казалось, задумалась. – Создатель мира встретил белую утку, – начала она нарраспев, – в изначальном море и приказал нырнуть ей на дно и принести ила для создания суши. Часть ила утка утаила в клюве. Когда земля выростала из воды, утаенное стало болотами и горами... – Бабушка на секунду смолкла. – По крайней мере, так рассказывали в деревне, где я выросла...

Сунчица внимательно слушала, притихнув.

– А как называлась твоя деревня, бабушка?

– Драговицы, внученька. Это ниже по течению Дуная.

Невдалеке от опушки дремучего леса бабушка с Сунчицей встретили только что вышедших из чащобы охотников, пыхтевших от натуги под тяжестью освежеванной туши клыкастого вепря, за ноги привязанного к хворостине, лежащей у них на плечах. Опустив ношу на землю, охотники утерли пот и любезно пропустили Ангелину с внучкой – тропка была слишком узка,

чтобы встречные путники могли разминуться на ней, не сходя в густую, по пояс траву, стеной стоявшую по обеим сторонам утоптанной дорожки. Чуть склонив голову в знак благодарности, бабушка поприветствовала их:

– Бог в помощь!

Охотники звонко ответили в один голос:

– И вам помогай Бог!

Ангелина улыбнулась и, окинув тушу ведря оценивающим взглядом, одобрительно произнесла:

– Пуда три чистого мяса будет. Хорошая добыча. А хозяина леса поблагодарить не забыли ли?

– Обижает, матушка! – широко ухмыльнулся старший из охотников с непослушной буйной рыжей шевелюрой. – Неужто мы городские? Все сделали как полагается. Как деды делали, так и мы!

Второй, тот, что помладше да поживее, хвастливо подхватил:

– У городских охотников такой добычи и не было еще в этом году, а может, и вовсе не будет! – Он потерев рукой кучую бородку и прибавил с пылким задором: – Да и что взять со швабов, им бы только уток да куропаток по болотам щелкать, а заяц с лисой для них уже серьезный зверь. Да и мадьяры те еще охотнички... – Он словно бы разочарованно махнул рукой и глубоко вздохнул, всем своим видом показывая, какого он мнения о городских ловцах.

– Есть и среди них вполне неплохие охотники, да и в целом они достойные люди и наши соседи, – наставительно и даже немного строго произнесла Ангелина.

Тот охотник, что помладше, залихватисто рассмеялся, будто бы услышал забавную шутку, а тот, что постарше, лишь недоверчиво хмыкнул, как сделал бы, услышав какую-то чудную небылицу.

Бабушка шутливо погрозила им пальцем, еще раз кивнула, и они с внучкой двинулись дальше в сторону леса. Там, где тропинка сворачивала с опушки и уходила в глубь леса, Ангелина остановилась, достала из-за пазухи мешочек и, присев у массивного дубового пня, извлекла из него колосья пшеницы и зернышки ржи. Высыпав их в ладонь и сжав кулак, она поднесла его к губам, что-то прошептала и бережно пересыпала хлебные злаки на пень, после чего быстро начертала что-то указательным пальцем и бодро поднялась на ноги.

– Теперь пойдем, – обернулась она к Сунчице, замороженно смотревшей куда-то в сторону. – Что там, внученька?

Проследив взгляд девочки, она увидела троих наостривших ушки лисят, сидящих в сплетениях вылезших из земли и покрытых мхом мощных корней векового дуба.

– Это лес знакомится с тобой. – Ангелина погладила Сунчицу по голове.

– А зачем ты оставила колоски на том пеньке? – спросила девочка у бабушки.

– Во всем должно быть равновесие, и мы должны помогать его сохранять. Мы пришли в лес за травами и заберем их отсюда, значит, мы должны что-то оставить здесь взамен, тогда гармония сохранится и лес будет благосклонен к нам.

Ангелина поудобнее перехватила корзину и уверенно направилась в чащу. Углубившись в самые дебри, она постепенно наполняла корзину травами с укромных, только ей ведомых, потаенных полянок. Спустя пару часов уже подуставшие бабушка и внучка оказались на просторной, окруженной пушистыми елями папоротниковой поляне, где воздух, пронзаемый пробивающимися сквозь еловые ветви солнечными лучами, звенел и подрагивал.

– Набери замляники на пирожки, Сунчица, – обратилась Ангелина к девочке.

– Где-е? – В голосе внучки сквозило искреннее удивление – никакой земляники на поляне и следа не было.

– А ты посмотри внимательно. Только не торопись. Вспомни, чему я тебя учила. – Бабушка улыбнулась уголком рта, подбадривая Сунчицу.

Та немного растерянно огляделась по сторонам, на секунду задумалась и, подойдя к осанистой кряжистой ели, приложила ладонь к шершавой коре и неуверенно прошептала что-то, тут же обернувшись к бабушке, ища у нее поддержки. Бабушка одобрительно кивнула. В этот миг кто-то пушистый врезался со всего маха в сапожок девочки и кубарем откатился в сторону. Сунчица вскрикнула от неожиданности, присела и увидела серого зайчишку с умогительной лопухой мордочкой.

Она вытянула из лукошка прихваченную из дома морковку и протянула ее милому ушасту:

– На, кушай! Тот, помедлив пару секунд, заглянул девочке в глаза и, почуяв, что ей можно доверять, обнюхал морковку, ткнулся мордочкой в ладонь девочки и вмиг схрумкал угощение.

– Ого, какой быстрый! – рассмеялась Сунчица.

Доев, зайчишка встряхнулся и, глянув на девочку, будто приглашая ее куда-то, нырнул под раскидистый лист папоротника. Сунчица последовала за ним и тут внезапно увидела, что папоротник скрывал море усеянных румяной ягодой земляничных кустиков. Она огляделась и ахнула – вдруг весь папоротник устремился к солнцу, и вся поляна заалела открывшимися земляничными зарослями. В этот миг девочка почувствовала, что воздух буквально пропитан тонким манящим ароматом земляники. Сунчица с восторгом оглянулась на бабушку и бросилась взахлеб собирать ягоды.

Пока девочка наполняла лукошко, Ангелина присела отдохнуть в тени. Кругом умиротворяюще шумел лес, убаюкивая ее. Она смежила веки и задремала. Ей приснился странный, еще пока до конца не осознанный сон. Что-то важное, но что? Ощущение какой-то тревоги... Окончательно из забытья ее вырвал стрекот вьющейся рядом стрекозы.

Ангелина наконец открыла глаза и увидела причудливо кружащую ярко-голубую стрекозу, а рядом порхающую оранжевую бабочку. Что-то в переплетающемся узоре их полета насторожило ее... Что-то... Ускользящее... Еще чуть-чуть... И тут она поняла что. Лик Ангелины стал сумрачен, а по щеке сбежала скупая слеза, которую она торопливо стряхнула, пока не увидела Сунчица. Ей пока не надо этого знать. Позже. Не сейчас.

Ангелина знала, что ткань мироздания соткана из мириад переплетенных нитей, и если ты чувствуешь узор этой ткани, то по тому, как сплетены нити в одном месте, можешь узнать то, как они переплетутся в иных местах и временах. Но что же она увидела? Что узнала? Что так опечалило ее? Это Ангелина решила пока сохранить в тайне.

На обратном пути из лесу бабушка с Сунчицей заглянули в село Стражилово. Местный сельский здухач хотел что-то сказать Ангелине, посоветоваться о видах на урожай.

В просторной сельской таверне пахло хлебом, жареным мясом и хмелем. Устроившись за массивным дубовым столом, придвинутым к окну, они поставили корзинку с грибами, травами и кореньями и лукошко Сунчицы с лесными ягодами и цветами у стены и стали ждать здухача, который, по словам трактирщика, задержался где-то на дальних полях. Улыбчивая девушка принесла им две глиняные кружки пахучего морсу и плетенку со свежими румяными булочками. В углу таверны на табурете примостился слепой гусяр, чьи пустые глазницы были сокрыты черной повязкой. Взяв в руки изогнутую луку смычка и инструмент с одной струной, он затянул тягучую, заунывную балладу об исходе древнего народа после поражения от кочевников в великой битве из далекой южной земли черных дроздов сюда, на берега Дуная. Бабушка наклонилась к уху Сунчицы и прошептала:

– Его прозвали Слепой Гргур. Так звали одного из твоих прапрадедов, что жил много веков назад. Он был великим воином и совершил множество подвигов. Как-нибудь я расскажу тебе о нем...

Тем временем гусяр закончил свою балладу, встал и на ощупь направился к их столу.

Подойдя ближе, он поводит ноздрями в разные стороны, бесшумно втянул воздух и глубоким грудным голосом произнес:

– Аромат корицы, гвоздики и шалфея, смешанный с дуновением утреннего леса и приправленный чуток горчащим городским дымом, сквозь который все же пробивается запах только испеченного хлеба и земляники... Дайте-ка подумать... – Он картинно приложил кулак к губам, а его лоб прорезала глубокая складка. – Ага... редкая гостья в наших краях. – Лицо его разгладилось. – Здравствуй, Ангелина Драговичанка! – И тут же он вновь глубоко вздохнул: – Кто же это с тобой?.. Свежесть летнего луга, мята, фиалки и ромашки с легким привкусом мака, покрытого утренней росой... Ах, да это же сама господжица Сунчица с Дубовой улицы, внучка Ангелины! – Его беззубый рот расплылся в улыбке.

– Здравствуй, Добривое, известный в наших краях как Гргур Слепой, – степенно ответствовала бабушка.

– Я видел тебя во сне, Ангелина, – тихо произнес гусяр.

– А я видела тебя, – в тон ему сказала пожилая женщина.

– Тогда ты все знаешь... – Нотки печали сочлились из речи Гргура.

– Да, мой добрый Добривое, – грусть скользнула и в ее голосе, – теперь я точно все знаю, сегодня лес подтвердил, что время пришло, но ты не печалься, в тонких мирах мы будем видеться по-прежнему...

– О чем он, бабушка? – испуганно воскликнула Сунчица.

– Сунчица... – Бабушка замолчала, силясь подобрать слова. – Сунчица, скорее всего, вскоре я покину тебя...

Слезы выступили на глазах девочки, затуманив их васильковую голубизну.

– Как... – голос ее срывался, – как покинешь? Куда ты собралась? – Девочка сжалась в комок от отчаяния и страха.

– Не плачь, Сунчица. – Бабушка взяла ее руку в свои морщинистые ладони. – Покину – не значит оставлю. И случится это не завтра. В любом случае я всегда буду рядом с тобой. – Она погладила Сунчицу, и слезы перестали бежать из ее глаз, но холод беспокойства, стиснувший сердечко девочки, никуда не исчез.

В этот миг дверь таверны распахнулась, пропуская необъятного, больше похожего на медведя, чем на человека, здухача Страшмира Лазаревича. Его голос больше походил на рык и заполнял собою все окружающее пространство, а копна светлых с проседью волос и окладистая густая борода придавали еще большее сходство с косолапым.

– Ох, Ангелина! – с порога пророкотал он. – Ты уже здесь! Прости, на дальнем хуторе волы захворали, все утро провозился! – Он провел тыльной стороной могучей ладони по лбу, показывая, как он умаялся.

– Ты все в хлопотах, мой добрый Страшмир. Расскажи, что тут у вас.

– Покос прошел удачно, сбор меда в разгаре, да вот беда, дождя давно не было, а солнце жарит нещадно. Так задруга наша попросила меня к тебе обратиться, и батюшка наш отец Душан к просьбе сей присоединяется. Порадей за урожай как о том годе, чтоб уродилось все и дождь пролился, дабы жатва доброй была.

– Дождь будет, Страшмир, за урожай будьте покойны. И отцу Душану поклон мой передавай.

Здухач расплылся в улыбке:

– Знал, что ты нас не бросишь. Довезу вас с Сунчицей до города. Моя телега стоит у дверей. Там крестьяне наши припасов тебе собрали – четверть зерна, короб куриных яичек, сушеных и свежих грибов, вяленой рыбы, оленины, лесных орехов, кувшин молока, сбитого масла...

– Хватит, хватит, Страшмир, – со смехом прервала его бабушка. – Совсем вы нас с внучкой закармите!

В город вернулись ближе к вечеру. Напоив здухача душистым травяным чаем с медом, бабушка и Сунчица проводили гостя в обратный путь в Стражилово. Не успели они прибрать со стола и разложить снедь, подаренную добрыми крестьянами, как дверь распахнулась и в домик ввалилась запыхавшаяся пышная девушка с заколотыми русыми волосами и в белом переднике.

– Ах, фрау Ангелина... – Лицо девушки покраснело, она пыталась отдышаться, наклонившись вперед и положив руки на колени. Звали ее Хильда и служила она в доме бургомистра Мартина Бранта.

– Что случилось, дитя мое? – Голос бабушки был полон участия. – Неужели у господина бургомистра снова приступ? Вот, – она протянула девушке ковшик прозрачной колодезной воды, – утоли жажду и переведи дыхание.

Служанка с благодарностью приняла ковшик и несколькими жадными глотками осушила его.

– Благодарствую, матушка! – Хильда вновь обрела способность говорить. – Совсем плох хозяин! Поясница не разгибается, колени страшно ломит. Видать, к смене погоды, к дождю. Да вот так сильно давно он не хворал, даже и смотреть больно, как он мучается! Вот его супруга и наказала мне со всех ног бежать к вам, и вот я от самого магистрата бегом...

– Ах, бедняжка! От самого магистрата! – всплеснула руками бабушка. – Вот, присядь, – она усадила девушку на стоящий у двери дубовый стул, – а я мигом управлюсь.

Бабушка запустила руку в шкаф, доверху забитый разными мешочками и склянками, и безошибочно выудила оттуда маленький горшочек, перевязанный тряпицей.

– Вот, держи, – протянула она горшочек служанке. – Это мазь из медвежьего сала с дяги-лем. – И тут же отдернула руку. – Нет, погоди, я кое-что забыла...

Бабушка отошла в сторонку, сжала горшочек в руках и, склонившись над ним, что-то зашептала.

– ... Не держи зла и помоги, – единственные слова, что разобрала Хильда.

– Теперь точно поможет. – Ангелина вложила горшочек в руку служанки. – Возьми и передавай мой поклон господину бургомистру и его супруге.

Девушка сделала неумелый книксен, которому научилась в своей родной Каринтии когда-то в детстве, и сломя голову бросилась обратно в ратушу, где располагался магистрат.

В то время когда бабушка и Сунчица подходили к лесу, с другой стороны к городу по старому тракту подъезжал, поднимая вихри пыли, запряженный парой вороных, резвых и норовистых коней черный экипаж. В нем ехал вновь назначенный в Карловитц епископ по имени Иоганн Нидер. В длинных тонких пальцах с неаккуратно подпиленными ногтями он сжимал молитвенник и четки. Иссушенный постом, он был лыс и очень худ. Седые пушистые брови, нависавшие над глубоко посаженными глазами, придавали ему еще более устрашающий вид. Его скулы, казалось, могли разрезать лист бумаги, а в глубине серых, будто бы оловянных глаз пылало пламя истовой, фанатичной веры. Казалось, в этих глазах никогда не светилась ни радость, ни жалость, одна лишь ненависть к врагам Церкви. Это и неудивительно, ведь Иоганн Нидер был не простым епископом, он был инквизитором, охотником за ересью. Он спал на твердом ложе без подушки, не укрываясь даже ничтожной тряпицей и не более трех часов в сутки, ел два скудных сухарика в день, запивая их одной чашей воды. Вставал он задолго до восхода и встречал день яростной жгучей молитвой, обращенной против еретиков. Он был абсолютно безжалостен к себе и умерщвлял свою плоть ради возвышения духа. Под сутаной из грубой колючей шерсти он носил почти пудовые вериги. Борьба с ересью наполняла его жизнь смыслом. Стальной, холодный голос Иоганна Нидера пробирал любого до глубины души, подчиняя себе и оставляя мурашки на коже.

На холме, не доезжая полумили до въезда в город, он окрикнул возницу – своего верного помощника и слугу Ульриха, – и экипаж остановился. Епископ выбрался из повозки и окинул взглядом раскинувшийся внизу как на ладони город. Довольствие и умиротворенность, казалось, излучали его увитые плющом и виноградом каменные дома со ставнями, им вторили крытые соломой сараи и амбары.

Зажмурившись, епископ Нидер глубоко вдохнул, на секунду задержал воздух в легких и с шумом выдохнул.

– *Haeresim manifeste sapit*, – задумчиво продекламировал он.

– Что вы говорите, ваша милость? – обернулся с козел Ульрих.

– Я говорю, мой верный, но темный и безграмотный Ульрих, что этот город явно пахнет ересью. – На секунду епископ умолк, прикрыл глаза и тут же с жаром продолжил: – Знаешь, чем пахнет ересь? Страхом. Потом. Людской подлостью. Грехом. Серой. А на ощупь она как зола... Но это уже когда дело сделано. А здесь нам его еще только предстоит сделать. – Тонкая усмешка на миг исказила его уста и тут же бесследно исчезла.

Въехав в город, экипаж лихо пронесся по бульжным улочкам и заехал на площадь, где остановился у двух этажного здания ратуши из желтого кирпича, там размещался магистрат. Епископ тут же отправился к бургомистру, а Ульрих остался внизу, протирая блестящие от пота бока разгоряченным долгой поездкой лошадям.

Черный зловещий экипаж с гербом на дверцах и здоровенный детина в холщовой рубаше и сыромятных сапогах с копной соломенных волос сразу же привлекли внимание карловчан, не избалованных событиями в своем захолустье. Стайку уличных мальчишек, вечно отиравшихся на площади и попытавшихся залезть под повозку, Ульрих отогнал кнутовищем, а вот собравшимся в кружок почтенным городским обывателям и по случаю оказавшимся тут степенным крестьянам он чуть свысока разъяснял:

– Мой хозяин получил назначение в ваш город... Прибыли из Сигедина, это миль двести на север отсюда... В прошлом году хорошенько поработали, за полгода отправили на костер тринадцать ведьм, почистили городок, усмирили бесов... – Утомившись отвечать на однообразные вопросы, Ульрих повернулся спиной к досужим горожанам, принявшись полировать герб на дверце, и бросил через плечо напоследок: – На воскресной мессе все сами услышите, да не вздумайте пропустить, у епископа Нидера с этим строго.

На центральной площади города, прямо напротив ратуши, величественно высился мрачный кафедральный собор, доставшийся городу по наследству из прошлых столетий. Его фасад украшали ниши со статуями суровых святых, а стрельчатые окна были забраны цветными витражами. Шпили двух башен пронзали небо, а стены были покрыты гротескными резными барельефами, на которых приземистые бородатые и рогатые существа с женской грудью, крыльями нетопыря и косматыми ногами воочию показывали прихожанам, какая участь ожидает грешников на том свете.

С колокольной, по углам которой примостились оскаленные горгульи, доносился протяжный нетерпеливый звон, призывавший карловчан на воскресную мессу. Толпы нарядных жителей целыми семьями спешили в собор. Приезд нового епископа – событие, никак нельзя пропустить его первую мессу.

Подтянутый и строгий, Иоганн Нидер в праздничном облачении, возвышаясь на кафедре, которая нависала над паствой, внимательным взглядом из-под кустистых бровей вымерял и сверлил каждого, входящего в собор. Дождавшись боя башенных часов, возвестивших начало мессы, он, не медля ни секунды, с последним ударом возгласил суровым басом:

– *Pater noster est...*

Паства разноголосно вторила ему.

Литургия тянется медленно. В соборе душно. Жар сотен тел, аромат благовонного фимиама, окутывающий коконом чад от маслянистых светильников... Сонная истома, кажется, разлита в воздухе. Епископ торжественно и чеканно читает молитвы на латыни, которую знают хорошо если с десятков прихожан. Все они с благоговейными постными масками, застывшими на лицах, сидят в первых рядах. За ними прячут осоловевшие бессмысленные взгляды почтенные горожане, так и не затвердившие до конца даже «Pater noster».

Вот румяный краснолицый булочник не смог подавить сладкий зевок и, спрятавшись за широкими спинами начальника почтовой станции и председателя охотничьего общества, поддался искусу. А вот почтенная матрона – мать многочисленного семейства – не удержалась и задремала на пару секунд. Все с нетерпением ждут конца мессы. Наконец закопченные своды оглашаются финальным возгласом «Libere me Domini!», который с ленцой эхом повторяют сомлевшие прихожане.

Начинается проповедь. Голос епископа Нидера гремит и сотрясает даже цветные витражные стеклышки на узких, вытянутых вверх окнах. О чем же он говорит? Хотя начало мы и пропустили, разглядывая публику, но давайте теперь все же прислушаемся.

– ...Этот отринет униженных, возвеличит грешников, ниспровергнет возвышенное и вечно живое, утвердит то, что противоположно добродетели. Вернет в мир поклонение, добиваясь славы себе, и назовется Всемогущим. Посланник тьмы имеет немало нечестивых прислужников, из которых многие уже явились в мир, такие как Антиох, Нерон, Домициан; и теперь, в наше время, действует много подобных служителей зла, есть они и в этом городе! – Он замолк, свирепо оглядел первые ряды и, обратив взгляды прихожан в пол, продолжил: – Сказано: «Горе тебе, Хоразин!», ибо в этом городе исчадие врага рода людского будет воспитано на погибель всем добрым людям магами, чародеями, прорицателями, заклинателями, которые по велению отца зла вскормят его сына и обучат всему вредоносному. Уверены ли вы, что сей город, где вы обретаетесь, не зовется Хоразин?

Епископ вновь смолк и обратил пламенный взор на замершую в испуге толпу, по которой побежал смущенный шепоток: «А ведь верно! Все так говорит! Истинно так!»

Воздев правую ладонь, Иоганн Нидер призвал обывателей к тишине. Шептания тут же утихли. Он почувствовал прилив сил, все их внимание было приковано к нему одному. Да, он снова сделал это. Он овладел этой людской массой, зовущейся паствой, силой страстного слова. Теперь пришло время обратить эту разрозненную толпу в армию, сделать их послушным единым организмом – орудием святой Церкви. С удвоенной силой он продолжил:

– Всякий простолюдин, всякий почтенный обыватель и даже дворянин, который выступает против правосудия и порядка, своими нападками хулит силы добра и света, а значит, он есть служитель извечного врага! Этот город погряз в грехе и ереси, – неистовствовал епископ, направляя обличающий перст, казалось, на всех сразу и на каждого в отдельности. – И если вы не покаетесь и не поможете Церкви разоблачить прислужников тьмы, то и вас ожидает котел с кипящим маслом!

Взор епископа Нидера распялся все больше, с прихожан, сидящих даже в самых дальних рядах и обычно норовящих пораньше улизнуть, давно слетела дрема, а подрагивающий в пламени сотен свечей воздух наполнился едва уловимым запахом агрессии и злобы с примесью шепота страха.

– Вы хотите гореть в геенне огненной за чужие грехи?!

– Не-е-ет! – с негодованием ревел хор голосов в ответ.

– А вы хотите помочь спасти души несчастных, что продались силам зла?

Своды собора огласились решительным и раскатистым «Да-а-а!».

Взгляд Иоганна Нидера, источавший, казалось, лед и огонь одновременно, обшарил беснующуюся толпу. Праведное неистовство на лицах, казалось, удовлетворило его, и в глазах у него на миг мелькнуло довольство и удовлетворение.

– Хорошо! – властно осадил он разгоряченных, бьющихся в экстазе и порыве религиозного рвения карловчан. – На воротах церковной ограды прикреплен специальный ящик для ваших сообщений о прислужниках зла. У вас есть двенадцать дней, чтобы выдать их, и тогда на вас не будет греха укрывательства... – Он многозначительно обвел притихшую толпу взглядом и, даровав им, словно нехотя, благословение, покинул кафедру.

Вслед за ним потянулись к выходу и прихожане, все еще наполненные жаром епископской проповеди. Впечатления захлестывали карловчан, и, выйдя на площадь, они бурно обсуждали услышанное, сопровождая реплики активной жестикуляцией. Занятые друг другом, они не заметили то, что заметил лишь один кучерявый мальчик лет шести, сын почтенного семейства бюргеров, задравший голову кверху и увидевший стаю ворон, беззвучно кружащих над собором.

Зловещий ящик был виден с любого угла площади, но остывшие на следующее утро горожане остерегались приближаться к нему во избежание кривотолков. Доносы среди жителей были не в чести. Над ящиком Ульрих прикрепил следующее объявление, набранное причудливо извивающимися готическими литерами:

«Мы, инквизитор и епископ Иоганн Нидер, желаем всем сердцем того, чтобы врученный нашему попечению народ воспитывался в единстве и чистоте веры и держался вдали от чумы еретической извращенности. Во славу и честь Церкви и для возвеличивания святой веры мы предписываем, приказываем и увещиваем всех и каждого, какое положение они бы ни занимали в этом городе или любом селении в двух милях в окружности от города, исполняя добродетель святого послушания и под страхом отлучения, явиться в течение следующих двенадцати дней и разоблачить перед нами женицин, о которых идет молва как о еретичках, или ведьмах, или вредительницах здоровья людей, домашнего скота и полевых злаков, или приносящих вред государству. Ежели те, которые знают о существовании женицин, подозреваемых в этих преступлениях, не явятся и не укажут их, то они будут пронзены кинжалом отлучения. Мы произносим отлучение против всех тех, которые упорно не повинуются. Право обратного принятия их в лоно Церкви остается за нами».

Каждый день Ульрих, накрывая епископу скудный завтрак (если трапезу, состоящую из корки хлеба и чаши воды, можно так поименовать), скорбно пожимал плечами – это значило, что ящик пуст. Прошла дюжина дней и еще одна. И еще... Епископ Нидер каждое воскресенье увещевал и страдал свою паству, грозил и упрекал, но писем в ящике на церковной ограде все также не появлялось.

Наступила осень. По Дунаю с далеких Карпат прилетел колючий, изматывающий и завывающий ветер – кошава. Изменился и сам город. Прежде веселый, приветливый, добродушный и легкий нравом, Карловитц помрачнел и затих. Не звучали больше разухабистые песни из окон таверн, да и плясать на площади под звуки труб городского оркестра желание у всех как-то пропало. Улыбки с лиц горожан исчезли, сменившись настороженным, насупленным выражением. Уныло, грустно и почти незаметно прошел сентябрьский праздник урожая винограда, многие даже и не пригубили молодого вина, что раньше было неслыханно.

К осени выросло и количество ворон. Они свили гнезда на всех крышах, в особенности облюбовав башни кафедрального собора, и целыми днями целые тучи их кружили над городом. Больше они не были безмолвны. Теперь их карканье лишь добавляло уныния в сердца горожан.

Теперь повсюду бродили по двое-трое новоявленные блюстители нравов с кислотатыми минами на лицах, облаченные в мрачные черные сюртуки и платья, застегнутые наглухо. Сбились они вместе как-то незаметно к концу лета вокруг епископа, подобравшись из числа наиболее ретивых его адептов. Они образовали Комитет ведьм. В ночь с пятницы на субботу члены комитета собирались на площади и расходились по городу, задрав головы кверху, ожидая каждую минуту увидеть вылетевшую из дымохода ведьму. Попутно, разумеется на всякий случай,

они записывали адреса тех, кто слишком долго жжет свет. Они же добровольно взялись за учет тех, кто пропускал мессы. Теперь люди остерегались болтать все что взбредет им на ум за кружкой эля, как раньше, да и желания ходить друг к другу в гости тоже почему-то пропало. Все стали замкнуты и скрытны, а улыбка стала редкой гостьей на лицах карловчан. Город накрыла тень.

А как же появился в городке этот Комитет ведьм?

Дело было так. После одной из воскресных проповедей в начале осени епископ Нидер в разговоре с верным Ульрихом между делом проронил:

– Город созрел. Принимайся за дело.

Большого Ульриху и не требовалось. Он коротко кивнул и принялся за работу. В следующую пару недель его можно было повстречать в самых неожиданных местах с самыми противоречивыми и темными личностями, обретавшимися в городе. Его видели в мрачных закоулках и подворотнях в весьма неурочное и небезопасное для их посещения время, с такими сомнительными типами, что если бы кто-то признал в закутанной с головы до ног в плащ фигуре слугу самого епископа, то репутация Церкви в Карловитце значительно бы пошатнулась.

Ульрих о чем-то шептался с рыбаками на рассвете и отирался под вечер в ожидании кого-то рядом с живодерней, он был замечен неподалеку от городского кладбища почти в полночь, а утром выходил из дома, жильцы которого имели очень неоднозначную репутацию. Чаще же всего его можно было застать в тавернах того сорта, что выбирают для отдыха простолюдины из самых низов, имеющие склонность к разного рода лихим авантюрам. Там он проводил целые дни, стараясь занять самый дальний, неприметный столик, за которым вел долгие беседы, смачиваемые дешевым кислящим вином, смотрел, оценивал, одним словом – искал. И в один зябкий дождливый вечер понял, что наконец-то нашел. Лучшей кандидатуры нельзя было и придумать.

На высоком холме, с которого на много миль в обе стороны просматривается русло Дуная, стоит городское кладбище Карловитц. Из города, что с южной стороны подпирает подножие крутого холма, сюда ведет извилистая, вьющаяся серпантинном по склону, мощеная дорога. Сущее мучение для лошадей, тянущих похоронные дроги, взбираться со скорбной и тяжелой ношей в этакую круть. Дорога упирается в массивные кованые ворота, обычно закрытые после захода солнца на цепь с замком, но сегодня почему-то оставленные распахнутыми настежь, несмотря на поздний час. За воротами лежат заросшие мхом могильные плиты и надгробные камни с полустершимися рублеными надписями. Они тонут в клочьях тумана, что по вечерам накрывает кладбище. В сумерках плохо видно, но кажется, что кто-то только что юрко проскользнул в ворота, а за ним еще двое и еще. Все эти люди в полном молчании уверенно тянутся туда, где в глухом углу погоста, под старыми вязами, в чьих кронах шумят грачи, ютится сторожка кладбищенского сторожа, также служащего здесь могильщиком. В городе все зовут его просто Юрген Похоронщик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.